

Против оппортунизма в учении о торговле.

(О книге Наровчатого «Организация торговли и торговых предприятий». Изд. Комитета Содействия пром.-экономич. образованию при Сев.-Зап. областном Управлении НКТорга, стр. 560, цена 3 р. 25 коп.).

В рецензируемой книге Наровчатого «Организация торговли и торговых предприятий», кстати сказать, допущенной ГУС'ом в качестве пособия для ВУЗ'ов, читатель может наглядно увидеть пример непонимания своеобразия экономики СССР, диалектики развития его товарооборота и механистического перенесения категорий капиталистического хозяйства в СССР, являющихся «китами» этой книжки. Удивительнее всего то, что журнал «Вопросы Торговли», должествующий помогать правильной разработке вопросов торговли, в рецензии на эту книгу, рекомендует ее, как энциклопедию всех вопросов торговли в СССР, необходимую практику и теоретику торговли. Того же мнения и «Торгово-Промышленная Газета». Насчет практики мы пока говорить не будем, но о теории поговорим.

Начнем с того, что у Наровчатого мирно уживаются два взаимно исключаящих определения о цели торговли. На стр. 18 он пишет: «... в капиталистическом хозяйстве торговый аппарат преимущественно—частный и целью его является извлечение прибыли», что является правильным утверждением, а на стр. 19 «поэтому правильно и утверждение проф. Шера в его книге «Учение о торговле», что стремление к прибыли, заработку отнюдь не является характерным признаком торговли». Очевидно, что характерный признак деятельности должен определять и цель деятельности. Поскольку это так, постольку согласие Наровчатого с проф. Шером противоречит его собственным словам на стр. 18. Но этого мало. Гильфердинг в бытность свою марксистом в своем «Финансовом Капитале» писал: «лица, стоящие вне коммерческого мира считали товарно-торговые сделки закономерными, а биржевые сделки на разницу не закономерными; различие, которое неизменно отвергается деловыми людьми. Первые никак не могут понять, что при всех капиталистических сделках потребительная

стоимость не имеет решительно никакого значения и является, самое большее, печальной необходимостью» («Финансовый Капитал», гл. 9), или по Марку «необходимым злом».

По Наровчатому же «современная торговля ведет обмен товарами непосредственного потребления, а деньги лишь служат средством для этого обмена» (стр. 20; разрядка наша. С. Б.).

По «совместительству» у Наровчатого на следующей странице можно встретить то же определение торговли, с маленькой вариацией, но чрезвычайно характерной для автора. «Из всего этого следует,— пишет он,— что под именем торговли с народно-хозяйственной точки зрения следует разуметь организацию обмена предметов непосредственного потребления на основе экономической целесообразности» (стр. 21; разрядка наша. С. Б.).

По небрежности ли или по какой-либо другой причине, автор в определениях торговли при капитализме, приведенных выше, смешивает обмен товаров с обменом предметов, ставя между этими качественно различными процессами знак равенства (понимая, конечно, слово обмен во втором случае в условном смысле. С. Б.). «Болезнь того, объектом торговли автор считает только товары непосредственного потребления, понимая, очевидно, под ними готовые фабрикаты. Возникает вопрос: чем же является обмен сырья, полуфабрикатов, основного капитала? Очевидно, Наровчатов сузил сферу торговли до того, что его определение потеряло свою значимость и жизнеспособность».

Утверждение, что деньги служат лишь средством обмена тоже наломывает утверждение экономистов XVIII в., которые считали, что деньги есть шоссе для облегчения торговли, колеса телеги торговли, упуская при этом из виду все остальные функции денег, которые этот «всеобщий товар» (Маркс) приобретает в капиталистическом хозяйстве. Но этот вопрос относится больше к области теоретической экономики и на нем тут останавливаться больше не стоит.

Переноса механически принципы торговли при капитализме в наши условия и

обратно, надевая капиталистическую торговлю теми свойствами, которые торговля получает у нас, благодаря качественно иной социальной системе, в которой она действует, стирая границы между Западом и СССР, Наровчатов, естественно, приходит к совершенно неправильным выводам и следствиям. Из этого нужно исходить для понимания того «совместительства» определений, которые у него очень часто встречаются.

Вернемся еще к цели торговли, которая по Наровчатову свойственна капиталистическому хозяйству. Он считает, «что цель извлечения прибыли является основной и единственной только для торгового аппарата, существующего отдельно от производства. Если же сбыт изделий производится непосредственно коммерческим отделом производственного предприятия, то тогда целью торговой деятельности является не прибыль (ее они могут получить при сбыте через посредников), а создание постоянного спроса для бесперебойного установления производства» (стр. 18). В качестве примера он приводит тресты и синдикаты, для которых получение максимума прибыли через «синдицированное производство» является целью, а торговля — только лишь средством для сбыта товаров.

То вытеснение посредников и подчинение их производству, происходящее в результате синдицирования, трестирования и комбинирования, имеет главной целью уменьшение той доли прибавочной стоимости, которую промышленный капитал должен отдавать торговому капиталу за осуществление им функций сбыта товаров как при покупке сырья, полуфабрикатов, так и при продаже фабрикатов. Мы считаем, что Наровчатов в этом пункте не прав: единственным стимулом движения капитала есть прибыль и конкуренция, т.е. борьба за перераспределение прибавочной стоимости, — определяет процесс вытеснения и подчинения торгового капитала промышленному. Этот процесс уменьшения посреднических звеньев на пути продвижения товаров от производителя до потребителя закономерен для эпохи империализма, создающей «материальный костяк для социалистического общества» (Ленин), лишенный, в силу существования анархии производства, возможности скинуть с себя свою стоимостную форму. Это возможно только при социализме.

То увеличение доли торгового капитала в общественном капитале, которое наблюдается в последние годы в Западной Европе и САСШ (см. Чэз «Трагедия расточительства») является следствием нерешимого при капитализме противоречия между производственными возможностями и рынком.

Преувеличение процесса вытеснения торгового капитала, которое (вытеснение) ведет к уничтожению рыночной формы распределения, проблемы рынка, видна у Наровчатова в следующих словах: «торговля

в чистом виде (рассматриваемая, как распределение и снабжение на основе экономической целесообразности. С. Б.) применяется и в капиталистическом хозяйстве уже в ограниченных размерах. Некоторые из коалиций, например, Международный Союз формового железа, рельсовый союз и другие организовали распределение и снабжение не только в национальных рамках, но и в международном масштабе» (стр. 21). Явная переоценка «организованности» капитализма. Знакомые фразы! Ни слова о борьбе между трестами, о перераспределении и борьбе за рынки «на основе наличного соотношения сил» (Ленин), которыми так богат сегодняшний день империализма.

Переходя к главе 2-й — «Народно-хозяйственное значение торговли СССР» — анализу нашей экономики и роли товарообращения в СССР, автор тоже механически подходит к этим проблемам.

Автор сам в главе 1-й показывает, как с изменением производственных отношений меняется и техника, и роль торговли. Маркс в «К критике к политической экономии» указывает, что торговля зависит от производства, что примат производства является необходимым условием для правильного анализа экономических категорий, что изменения в производстве и роли промышленности должны повлечь соответствующие изменения в процессе распределения продуктов промышленности.

Поскольку у нас производственные отношения в промышленности имеют совершенно иное качество, чем при капитализме, постольку роль торговли у нас совершенно другая по существу, хотя пользуется старыми формами.

К изучению роли торговли в СССР — стране, где производственные отношения чрезвычайно динамичны и воспроизводятся в расширенном масштабе громадными темпами, в смысле преодоления капиталистических производственных отношений социалистическими, надо подходить только динамически. Надо уметь улавливать существенные сдвиги, происходящие в ведущей отрасли народного хозяйства, т.е. в нашей последовательно социалистической промышленности, которая неизбежно перестраивает по-иному и приспособляет к своим новым потребностям и возможностям формы продвижения товара от производителя к потребителю. Торговлю в СССР и роль ее в народном хозяйстве нужно изучать в ее диалектическом движении, а не застылая на одной определенной ступени ее. Наровчатов этого не понял и поэтому пришел к неверным выводам.

Раздел о «народно-хозяйственном значении торговли в СССР», т.е. раздел, который должен определить и показать место и значение торговли в народном хозяйстве СССР, автор начинает следующими словами: «Советское народное хозяйство состоит из двух частей (?). Одна часть, самая важная представляет национализированную и руководимую государством

крупную и среднюю промышленность. Другая часть представляет независимое и рассеянное в десятках миллионов мелких хозяйств, сельское хозяйство и производство» (стр. 8; разрядка наша. С. Б.).

До сих пор мы вслед за Лениным считали, что в СССР существует своеобразное переплетение пяти экономических укладов, отношение к которым со стороны Советской власти различно в зависимости от социальной сущности того или иного уклада. Вели уж противопоставлять одну часть другой, то следует противопоставлять социалистический сектор (из которого у автора почему-то выпала кооперация) не крестьянскому хозяйству в целом, ибо Ленин учил «соединиться с крестьянской массой, с рядовым трудовым крестьянством и двигаться так, что с нами действительно будет двигаться вся масса», а капиталистическим элементом, с которыми социалистический сектор и ведет ожесточенную борьбу не на жизнь, а на смерть, и из которой он уже выходит победителем. Такое механическое деление сложного экономического комплекса СССР на две части, к тому же неправильно противопоставляемые друг другу, приводят автора к неправильному пониманию роли торговли в СССР. Приведа цитату из Маркса о революционизирующем значении торговли, которая товаризирует производство, действует разлагающим образом на те организации производства, которые она застаёт, автор пишет: «естественно, что раз торговля имеет революционизирующее значение на остальные формы производства, каковыми является сельское хозяйство, то процесс товарообращения в Советском народном хозяйстве получает особо важное значение, и на торговлю возлагаются особые функции, отличные от функций, какие выполняет торговля в капиталистическом хозяйстве. Эта особая роль товарообращения в Советском народном хозяйстве с исключительной яркостью изложена в словах Н. И. Бухарина: «К социалистическому производству на земле мы приходим не путем вытеснения крестьянского хозяйства, а совершенно иным путем, а именно, путем вовлечения крестьянства в кооперацию, связанную с ним и зависящую экономически от государства и его институтов: мы приходим к социализму здесь через процесс производства; мы приходим сюда через кооперацию» (разрядка наша. С. Б.).

Тут действительно ярко выражен «фетишизм» торговли. «Конечно, если считать, что «торговая» смьчка — это альфа и омега всей мудрости экономической политики переходного периода» («Большевик» № 21, 1929 г., передовая, стр. 9), тогда все цитированное выше — святая истина. Но так думать могут только метафизики, желающие застыть диалектическое движение социальных отношений в СССР остановить и застыть на одном из этапов этого

движения. Об ошибочности этого взгляда на торговлю и недооценку роли последовательно-социалистической индустрии, на передачу сельского хозяйства писалось так много, что повторяться не следует.

Всем известны слова Ленина, что торговля была главным звеном, за которое надо было ухватиться в 1921 г., потому что «торговля есть единственно возможная экономическая связь между десятками миллионов мелких землевладельцев и крупной промышленностью, если... если нет рядом с этими земледельцами великоленной крупной машинной индустрии с сетью электрических проводов, способной и по своей технической мощи, и по своим организационным «надстройкам», и сопутствующим явлениям снабдить мелких землевладельцев лучшими продуктами в большем количестве, быстрее и дешевле, чем прежде». («О значении золота», т. XVIII, ч. I, стр. 413).

Все хорошо для нашего автора, но это «если» портит все дело. Это «если» начинает сейчас претворяться в жизнь.

Ленин еще в 1921 году в статье «К 4-летней годовщине Октября», писал: «Торговля объединяет миллионы мелких крестьян, экономически заинтересовывая их, связывая их, подводя их к дальнейшей ступени: к разным формам связи и объединения в самом производстве» (т. XVIII, ч. I, стр. 370; разрядка наша. С. Б.). Ясно, что когда мы подходим к этой дальнейшей ступени, то роль торговли меняется и это нужно отразить в учении о торговле. Ясно, что нельзя утверждать, будто мы уже имеем эту «великоленную машинную индустрию», но не следует закрывать глаза и на наши успехи, которые мы сделали в этом отношении. Лучше всего изменившуюся роль торговли характеризует следующая цитата: «Но вопрос о торговле становится по-иному, когда мы имеем крупную промышленность, в два раза превысившую довоенные ее размеры, когда промышленность, производственно обслуживающая сельское хозяйство, в шесть раз превышая довоенные размеры, когда распределение ее продукции происходит по определенному плану, когда мы имеем крепкую сельскохозяйственную кооперацию, охватившую до 63% крестьянских дворов, когда контрактацией охватывается почти 45% всей площади зерновых культур и 65—90% площади технических культур, когда удельный вес общественного сектора сельского хозяйства в товарной продукции зерна достигает 45—50%, «свободная» стихия рынка, свобода рыночного товарооборота, имевшая известные ограничения и на самом первом этапе наша, теперь начинает претерпевать коренные изменения. Торговля и рынок, как связывающее звено между десятками миллионов мелких земледельцев и крупной промышленностью, начинает преодолевать, поскольку на базе растущей крупной промышленности начинает преодолеваться мелкое хозяйство в земле-

дели, преодолеваются индивидуально-хозяйство мелких и мельчайших товаропроизводителей, поскольку коллективные формы хозяйства в земледелии, развиваясь несомненно темпами, начинают играть большую роль в сельском хозяйстве». («Большевик» № 21, 1929 г.; передовая, стр. 13; разрядка в статье). Больше к этому добавить нечего.

Перейдем теперь к кооперации и роли ее в социалистическом секторе в трактовке автора. Хотя при перечислении командных высот Наровчатов и упоминает о кооперации, но ее роль им, очевидно, не совсем выяснена. На стр. 21 он дает следующее определение цели кооперативной торговли: «Главной целью кооперативной торговли является не общая, а частная задача снабжения своих членов, без участия других посредников, необходимыми товарами, или сбыт продуктов производства своим членам также без участия посредников. Кооперации свойственны и другие цели, между прочим, и извлечение прибыли, но это есть скорее средство, чем цель ее» (стр. 21; разрядка наша. С. Б.). Автор еще сомневается, является ли прибыль в кооперации целью или средством. Мы думаем, что в СССР паищек любого кооператива не сомневаются в том, в чем сомневается автор, т. е., что прибыль для кооперации есть средство, а не цель. Очевидно, разницу между кооперацией у нас и за границей автор не понял отчетливо, принявши сходство форм за сходство содержания. Из цели кооперации у Наровчатова выпадает проведение планового влияния социалистического сектора на индивидуальный, организация индивидуального сектора, вытеснение частично-капиталистических элементов в народное хозяйство. Это к цели кооперации, по мнению автора, не относится. На стр. 57 автор дает определение роли кооперации в организации рынка в следующих словах: «1) в концентрации спроса на промтовары и сбыта сельско-хозяйственных продуктов; 2) планирование снабжения кооперативов промтоварами и сельско-хозяйственными продуктами при помощи тендеров; 3) регулирование цен на рынке». Тут роль кооперации выяснена более полно, но все же недостаточно.

По мнению автора, «народно-хозяйственной задачей советского государства в современных условиях является обеспечение такого равномерного развития всех производительных сил на отдельных участках народно-хозяйственного фронта, которое могло бы создать базу для максимального общего развития всех (?) производительных сил страны и вместе с этим постепенное дальнейшее расширение и углубление влияния государственных плановых и социалистических начал, где эти начала еще недостаточно проникли» (стр. 9 и 20; разрядка наша. С. Б.). Оговорка о «постепенном расширении плановых начал» не спасает общего положения, призывающего к

развитию всех производительных сил страны. Идеология довольно знакома.

В главе 9-й, посвященной торговому планированию, Наровчатов еще раз демонстрирует свое непонимание экономики СССР. Если при капитализме единым регулятором хозяйства является стоимость, то у нас «единым регулятором переходного хозяйства является плановое начало, которое в беспрестанной борьбе утверждает свою роль ведущего начала в нашей хозяйственной системе». («Соц. Хоз-во» № 5, 1925, статья Леонтьева «Закон трудовых затрат», стр. 31).

Неотъемлемой частью плана, без которого он теряет свою сущность, есть целевая установка, которая в наших условиях превращает план в одно из существенных орудий классовой борьбы. О классовой природе и о классовом лице всех наших планов у Наровчатова ничего нельзя найти. Основными же принципами планирования торговли он считает, примерно, такие (укажем только два из них): «1) планирование должно находиться в соответствии с экономической мощностью районов и покупательной способностью населения и 2) планирование не должно распространяться на выбор покупателей, предоставляя свободу в этом отношении торговым и производственным предприятиям» (стр. 193).

Тут, что ни принцип, то — перд. Попробовал бы автор со своими принципами сунуться хотя бы к комсомольцам. Они ему рассказали бы, что планирование торговли в соответствии с экономической мощностью районов и покупательной способностью населения совершенно смазывает классовое лицо нашего распределения, предлагает ориентироваться на имущие слои населения, предлагает не считаться с народно-хозяйственной целесообразностью завоза товаров в районы, имеющие большое значение для народного хозяйства, они ему рассказали бы, что свобода выбора покупателей низовыми торговыми учреждениями привела бы всю нашу работу к краху. Если и сейчас, при жестких директивах со стороны Наркомторга, встречаются злоупотребления, то понятно, что при свободе выбора покупателей, частная стихия давила бы наш социалистический сектор с неминуемой силой. Словом, об этих «принципах планирования» больше говорить не стоит. Их классовая природа выглядит отчетливо.

Очень интересное высказывание мы имеем у автора по поводу наших годовых ориентировочных планов. «Вторым видом планов являются годовые ориентировочные планы (подч. Наровчатовым). В современных условиях неустойчивой (?) хозяйственной жизни страны годовые планы не могут претендовать на большую точность. Напротив, в довоенное время, когда развитие хозяйства шло нормальным порядком, изменяясь лишь вследствие стихийных бедствий или неурожая, годовые планы торговых предприятий (например,

синдикатов) отличались большей точностью» (стр. 181, разрядка наша. С. Б.). Умри Денис, лучше не скажешь!

На эту тираду можно только ответить вопросом: где была советская цензура и куда смотрел ГУС, когда разрешил такую явную апологетику капиталистического хозяйства.

Видите ли, наши годовые планы не могут претендовать на большую точность вследствие неустойчивой хозяйственной жизни нашей системы, где ведущим и регулирующим началом является план. Очевидно, план обуславливает неустойчивость хозяйственной жизни. А мы, грешные, думаем и думаем шабронот, что план помогает устойчивости, что кризисы и осложнения в советском хозяйстве вытекают из отсталости нашей страны и сопротивления классового врага, что сама структура хозяйства дает возможность избежать кризисов, потрясающих все хозяйство. А вот капиталистическое хозяйство, это — идеал устойчивости, это математическая точность исполнения планов. Куда нам, чумакам, со своим планом да в Калашный ряд. Если при капитализме и происходит изменение нормального порядка развития хозяйства, то это вследствие причин, не зависящих от самого капиталистического строя. Но чтобы изменение хозяйственной жизни было следствием кризисов, вытекающих из самой структуры капиталистического хозяйства, это ни-ни. Это выдумка досужих марксистов. Кризисов в капиталистическом хозяйстве не бывает, а изменения происходят лишь под влиянием природы (хорошо еще, что не от бога). Недаром Наровчатов пример берет синдикаты. Это вытекает из его вышеизложенного взгляда переоценки «организованности» капитализма. Но хватит и об этом.

Перейдем к последнему утверждению нашего автора, явно раскрывающему его симпатии. Пусть извинит читатель за длинную цитату, но это есть необходимое условие, чтобы застреховать себя от обвинений в искажении мыслей, путем вырывания отдельных слов. «Закономерность развития, намечившаяся в нашей послереволюционной экономике, является основным условием построения контрольных цифр Госплана. Однако, динамические коэффициенты послереволюционного периода верны для построения будущих перспектив развития, лишь для восста-

новительного периода (разрядка наша. С. Б.), по окончании же этого периода, по использованию всего свободного оборудования и основного капитала, темп развития народного хозяйства идет значительно медленнее. Далее идут цифры темпа развития других стран (очевидно, они должны служить нам пределом, его же не преидеши. С. Б.) и он продолжает... «следовательно, темп нормального развития определяется динамикой капиталоаккумуляции страны, емкостью рынка и внутренними сырьевыми ресурсами» (стр. 204).

Эта ария из уже довольно старой оперы, снятой с репертуара экономической жизни СССР самым ходом хозяйственного развития. Теория «потухающей кривой» развита бурным ростом нашего хозяйства и сдана в архив истории. Те лица, которые рекомендовали нам идти по рецепту экономистов 90-х годов XIX столетия — «медленным шагом, робким зигзагом, тише вперед рабочий народ», забывают «маленькую» разницу между нашей хозяйственной системой и капиталистическим хозяйством. Эта маленькая разница, выражающаяся в различии структур общества и служившая камнем преткновения для понимания экономики СССР всем буржуазным экономистам, не минула очевидно и Наровчатова. О следствиях, вытекающих из этой «маленькой» разницы и дающей возможность осуществлять те темпы роста народного хозяйства, которые запроектованы в контрольных цифрах на 1929—30 г., достаточно много писалось и говорилось на партийных съездах, конференциях, к материалам которых и советем нашему автору обратиться. То, что автор абсолютно ничего не понял в своеобразных условиях роста народного хозяйства СССР, подтверждается еще и тем, что, перечисляя условия нормального развития страны, он упоминает о капиталоаккумуляции, о емкости рынка, о внутренних сырьевых ресурсах, но ни одного слова не упоминает о той социальной структуре, при которой они проявляются.

Подводя итоги вышесказанному, мы считаем, что роль торговли в народном хозяйстве СССР сейчас меняется коренным образом и что книга Наровчатова в настоящем виде для студентов торговых факультетов экономических ВУЗ'ов и др. лиц, занимающихся торговлей, не годится.

С. Блейх.

К. Розенталь. «Промышленность в пятилетнем плане». Гиз. 1929. стр. 175, тир. 75.000 экз., цена 35 коп.

Книга т. Розенталя является одной из серии книг библиотеки журнала «Коммунистическая Революция», посвященной пятилетнему плану. Она предназначена в качестве пособия для кружков текущей политики и рассчитана на партийный и советский актив. Книга дает краткий очерк генеральных установок, лежащих в основу

пятилетнего плана народного хозяйства и подробно выясняет конкретное содержание промышленной пятилетки.

Вся книга построена на разборе проблемы темпа развития народного хозяйства вообще и промышленности, в частности.

Исходной установкой при проектировке темпа развития народного хозяйства в на-

шей пятилетки, как известно, была задача догнать и перегнать в минимальный исторический срок передовые индустриально развитые страны, к чему нас обязывает и внешнее капиталистическое окружение и экономика страны. Преимущество, вытекающее из наличия пролетарской диктатуры и советской системы хозяйства, плановый характер хозяйственного строительства, как это уже доказано практически жизнью, позволяет нам идти вперед гораздо более высоким темпом, чем капитализм. Наша обязанность полностью реализовать эти преимущества.

Высокие темпы, предельно для нас возможные, предопределены, обусловлены исторически неизбежны. «Иными темпами, — говорит он, — менее значительными, более скромными мы развиваться не можем, это со всей категоричностью диктуется всей совокупностью хозяйственных и политических явлений» (стр. 35).

«Только при этих темпах развития можно говорить всерьез о выполнении директивы и в кратчайший исторический срок догнать, а за тем и превзойти уровень индустриального развития передовых капиталистических стран» и «добиться решительного перелома в темпах развития сельского хозяйства и интенсивного роста в нем социалистических элементов» (стр. 119).

В этой связи автор резко критикует по этому ту «мудрую осторожность», тот «плановый минимализм», который, благодаря неумению учесть преимущества советской системы хозяйства, наблюдался в предшествовавших нынешней пятилетке плановых предположениях. «Не могло бы быть большей ошибки, говорит автор, как думать, что такая «умеренность» и «осторожность» (находящая свое выражение в построении проектов, которые успевают устареть раньше, чем появляются на свет) есть проявление высшего экономического разума и политической дальновидности» (стр. 6). «Такая «мудрая осторожность» по существу может и затруднить, и тормозить дело социалистического строительства», так как «излишняя осторожность сегодня может превратиться в источник уже не «конъюнктурных», а длительных кризисов для будущего» (стр. 7).

Анализируя вопрос о реальности высоких темпов развития, т. Розенталь подвергает резкой критике буржуазных экономистов, которые в свое время, во время дискуссии вокруг «Материалов» Госплана по пятилетке, доказывали, что мы не можем подняться выше средних темпов капиталистических стран.

Буржуазно-экономическую линию в вопросе о темпах пытались проводить и некоторые специалисты и профессора Госплана СССР — Гартван, Таубе, Калинин и др., считавшие предложения ВСНХ научно необоснованными, не имеющими прецедента в мировом опыте и потому нереальными. Автор приводит выступления отдельных специалистов при обсужде-

нии предположений ВСНХ о пятилетних перспективах промышленности в Госплане. Эта оценка перспектив исходит, как правильно определяет т. Розенталь, из организационной неспособности буржуазно-мыслящих экономистов и примыкающих к ним специалистов понять основные принципиальные отличия советской системы хозяйства от капиталистической; наоборот, они «всячески стараются доказать, что собственно говоря, никакими преимуществами советская система перед капиталистической не обладает, а по словам одного из представителей буржуазной «ученой мудрости» проф. Никитского даже «менее прогрессивна, чем система капиталистическая». К такого рода рассуждениям очень близко подходил и В. А. Базаров, доказывавший в одной из своих работ невозможность для советской системы хозяйства «осуществить темпы роста, в несколько раз превышающие рекордные достижения капитализма»¹. Тов. Розенталь доказывает вздорность утверждений Никитских и Базаровых и на конкретном материале устанавливает полную несостоятельность их позиций.

Заканчивая разбор ошибок буржуазных экономистов т. Розенталь делает верный вывод о том, что нужно освободиться от влияния этих экономистов, пытающихся протащить свои установки под флагом борьбы с «неумеренным оптимизмом»... «Высокая прогрессивность советской системы уже доказана и кто до сих пор этого не видит пусть не мешает нам в работе» (стр. 34).

В большой главе «Промышленность — ведущее начало народного хозяйства», занимающей почти половину книги, автором дано прекрасное изложение содержания промышленной пятилетки.

Автор разбирает в этой главе следующие вопросы: строительную программу пятилетнего плана индустрии, промышленности и сельского хозяйства, промышленность и внешняя торговля, промышленность и транспорт, легкая индустрия и ее сырьевая база, производство средств производства и техническая реконструкция промышленности. Четкая постановка основных вопросов промышленной пятилетки, хороший подбор материала делает главу очень интересной. По сравнению с другими популярными работами по пятилетке, рецензируемая работа отличается большей свежестью еще потому, что автор очень широко использовал и систематизировал те изменения и дополнения, которые внесены были в Госплановскую пятилетку Съездом Советов и последующими решениями.

Обстоятельная глава посвящена т. Розенталем условиям выполнения пятилетнего плана промышленности. Опираясь на интересный материал по вопросу о производительности труда в Зап. Европе, Америке и у нас, т. Розенталь подчерки-

¹ «Экон. обозрение» № 6 за 1928 г.

вает в качестве первого основного условия выполнения пятилетки задачу «догнать и перегнать производительность труда передовых индустриальных стран мира» (стр. 124), ибо «без достижения решающих успехов на фронте производительности труда пустыми разговорами будут высокие проективные нашего хозяйственного роста» (стр. 124). Характеризуя наметки пятилетнего плана в области реконструктивных и рационализаторских работ, повышения энергооборуженности рабочего, улучшения его благосостояния, автор доказывает реальность программы повышения производительности труда за пять лет на 110%. Автор отмечает, как важнейшее условие выполнения плана — форсированную подготовку технических кадров. Большое внимание т. Розенталь уделяет вопросам снижения себестоимости, делая детальный разбор конкретных мероприятий, направленных на выполнение задания снизить ее на 35%. В заключение автор отмечает напряженность плана и необходимость проявления величайшей энергии и активности «воли к его осуществлению». «Сущим коммунизмом и бюрократическим измышлением, — говорит он, — было бы думать, что осуществление этих высоких темпов развития, высоких качественных и количественных показателей работы промышленности может быть результатом «самотека», «стадии хозяйственного развития». Автор правильно заостряет внимание на организационных проблемах пятилетнего плана, — на вопросах реорганизации системы управления промышленностью, на вопросах системы работы, методов работы и экономического регулирования. «Иные масштабы производства будут с неизбежностью требовать и иного организационного оформления...; консерватизм здесь будет служить серьезнейшей помехой в деле осуществления намеченных планов развития». Хотя достаточно развернутой постановки организационных вопросов автор и не дал,

но сама постановка их — большое достоинство книги, тем более, что другие многочисленные авторы почему-то их обходят.

В общем, книга т. Розенталя хорошо проработана, интересна и мы ее рекомендуем читателю. Вместе с этим, считаем необходимым указать на серьезные дефекты в ее содержании, которые надо учесть читателю и автору при дальнейшем ее издании.

Интересная глава «Наши ошибки и ошибки буржуазных экономистов», посвященная, как выше отмечено принципиальному разбору проблемы темпа, обходит почти полным молчанием политически неверные и вредные ошибки в этом вопросе правой оппозиции партии и сверх индустриалистов. Автор очень увлекся разбором концепции буржуазных экономистов и забыл что ли уделять внимание правой оппозиции, хотя и подчеркивает, что вопросы темпа, хотя и разрешены самой жизнью на опыте последних лет, не потеряли все же своей злободневности и актуальности» (стр. 21). Автор, разумеется, знает, что эта актуальность и злободневность придана проблеме именно обстрелом линии партии со стороны правых по этому важнейшему вопросу о темпах индустриализации.

Естественно было ожидать от такой серьезной работы основательного критического разбора позиций не только буржуазных экономистов, но и мелкобуржуазных взглядов правых теоретиков.

Недостаточно автор выделил и вопросы новых методов труда, вопросы социалистического соревнования. Нужно было конкретно показать социальное соревнование, как один из источников превосходства наших темпов, источников разрешения задачи «догнать и перегнать» передовые капиталистические страны.

В связи с этим, хорошая книга т. Розенталя политически много теряет.

А. Попов.

Е. О. Шатан, К вопросу о методах учета производительности труда. Труды Госплана УССР. Выпуск XIX.

При всем различии исходных теоретических позиций у большинства авторов, писавших по вопросу о методах учета производительности труда, все же было достигнуто единство мнений по ряду важнейших моментов, отказа от показателя ценности валовой продукции в единице рабочего времени, как измерителя производительности труда, всеобщее признание Струмилинского индекса и т. д.¹

Реконструктивный период в советской промышленности переключил экономико-

статистическую мысль на вопросы методологии измерения эффективности капитальных вложений. Разработка же методологии учета производительности труда — этого важнейшего подступа к изучению эффективности капитальных вложений — почти что приостановилась. Между тем, проблема учета производительности труда ни в каком случае не может считаться разрешенной. Если при помощи существующей методологии учета производительности труда в общем могли быть разрешены практические

¹ Правда, следует оговориться, что отнюдь не все статистические организации ушли и усвоили эти совершенно бесспорные выводы из дискуссии. Достаточно сказать, что центральный отдел статистики ВСНХ

СССР до сих пор отказывается применять индексный метод, хотя необходимость и чрезвычайная простота и легкость применения этого метода не вызывает ни у кого сомнений.

задания в условиях экономики восстановительного периода, то уже сейчас, в предверии решительных технических и структурных сдвигов в промышленности, эта методология вряд ли окажется целиком, во всех своих частях, приемлемой. Поэтому, наряду с вполне естественным заострением внимания на вопросы учета эффективности капитальных вложений не менее важно двинуть вперед и форсировать разработку методологии учета производительности труда. С этой точки зрения надо всячески приветствовать работу Е. О. Шатана, которая может быть расценена как серьезная попытка вновь усилить интерес к указанной проблеме. Другое дело, отвечает ли работа т. Шатана тому новому, что пришло и приходит в нашу промышленность. На этот вопрос, несмотря на ряд весьма интересных и ценных мест в рецензируемой работе, приходится в общем ответить отрицательно.

Е. О. Шатан в начале работы возвращает читателя к старому, имеющему, разумеется, не только терминологическое значение, спору о понятии производительности труда и ее элементов.

Отрицая в весьма категорической форме «мнение, усвоившее характер учебного трафарета, что производительность труда — понятие, равнозначущее выработке рабочего, которая определяется количеством изделий, изготовляемых рабочим в единицу времени», автор считает это мнение противоречащим экономическому учению Маркса и с своей стороны констатирует следующее: «Производительность или производительная сила определяется количеством рабочей силы, живой энергии (подчеркнуто нами. Я. В.), затрачиваемой на выработку единицы продукта». Как видно из самого определения, Е. Шатан отождествляет различаемые С. Г. Струминым и другими экономистами понятия производительности труда и производительной силы труда. Тем самым идея автора заключается в том, что интенсивность труда, степень его напряженности не является ни фактором, ни элементом производительности труда. Такая интерпретация понятия производительности труда не нова. В свое время такое же содержание в понятие производительности труда вкладывал и отстаивал со сродной (правда, менее четко изложенной) аргументацией А. М. Гинзбург. Такого рода интерпретация — «производительность труда определяется количеством живой энергии, затрачиваемой на выработку единицы продукта», помимо того, что практически не реализуема, является вульгарно-физиологической.

Во всяком случае, центр тяжести проблемы теории и учета производительности труда не в этом. По сути дела все экономисты спремются к такой системе индекса и субиндексов производительности труда, при которой в границах практической достижимости и целесообразности и теоретической осмысленности можно было бы изолированно рассматривать изменения про-

изводительности силы труда и его интенсивности. На методологии же учета принятия той или иной интерпретации существенно отразиться не может. Центр тяжести в проблеме учета, труба говоря, не в делителе интересующего нас отношения, а в его делимом — продукции.

Гораздо интереснее и оригинальнее вторая и третья часть работы Е. О. Шатана. Подробно разобрав в этих частях Струмилинский индекс и установив его границы, как орудие измерения производительности труда, Е. О. Шатан формулирует основные задания в изучении динамики производительности труда и методы их разрешения. «Независимо от того, как измеряется сам процесс труда, в каждом исследовании производительности не может не быть поставлен вопрос о том, идет ли речь об индивидуальной технической производительности труда... В одном случае речь идет о производительности рабочей единицы, рассматриваемой изолированно, в ее индивидуально технической обстановке, в ее совершенно конкретных производственных функциях. Здесь среднее по многим таким единицам мыслимо лишь, как показатель динамики (?) процесса, — оно исключается независимо от взаимодействия рабочих, их единиц и структуры их совокупности. Это — техническая производительность индивидуального труда. В другом случае вопрос формулируется, примерно, так: увеличивается или уменьшается количество благ, создаваемых единицей труда совокупного, реализуемого в известном комплексе хозяйственных единиц, рассматриваемых вместе, как единый организм общественного производства? Здесь среднее выступает не только как показатель динамики процесса, оно существует и в стороне, — в нем получают свое выражение структурные свойства, состав рассматриваемой совокупности» (стр. 10—12).

Эти формулировки, экономически отчетливо разграничивающие задания в учете производительности труда и определяющие их служебное значение, составляют заступку автора. Для решения вопроса об учете «общественной производительности труда» тов. Шатан вновь выдвигает метод чистой продукции. Вполне понятно, что, являясь принципиальным сторонником натурального учета, Е. О. Шатан не имеет в виду неоднократно всплывавшую в качестве измерителя динамики и уровней производительности труда чистую продукцию, выводимую при изменяющейся оценке валовой, «ибо при текущей цене валовой чистой продукция является денежным выражением вновь создаваемой стоимости, а последняя обратно пропорциональна производительности труда». В противовес этому, Е. О. Шатан рекомендует оперировать чистой продукцией, выводимой из неизменной цены валовой и ее переносимых элементов. Когда чистая продукция исчисляется этим методом, она может в динамике своей служить правильным заместителем натуральной продукции при неизменности

так называемых, технико-экономических коэффициентов производства, коэффициентов использования энергии и топлива, дозировке сырья и материалов, амортизации, утилизации отходов и т. д. И еще следующее: при неизменности цены готового продукта (уменьшаемое), величина чистой продукции (разница) находится в обратной зависимости к величине переносимых элементов (вычитаемое), т. е. по мере снижения технико-экономических коэффициентов повышается величина чистой продукции, а не наоборот.

В противоположность валовой продукции, в переносимой части которой скрещиваются продукты различных производств, однажды самостоятельно учтенных, при суммировании чистой продукции двойной счет избегается, поскольку каждое из складываемых состоит из вновь созданной стоимости. Таким образом, создается возможность исчислить динамику суммарного продукта и ее отношение к динамике количества труда, затраченного на производстве во всей данной совокупности, отразит «не только изменения в количестве совокупно учитываемых продуктов в данном конкретном процессе, но и те изменения, какие происходят в структуре всей совокупности, также в составе отдельных продуктов, ее составляющих». Здесь, таким образом, получается правильное соотношение между суммарным количеством потребительских благ и суммарным количеством труда, затраченным обществом на производство этих благ, т. е. показатель изменения производительности общественного труда.

Такова схема тов. Шатана, которую он полагает единственно правильной основой учета динамики общественной производительности труда. Нельзя ей отказать в стройности и цельности, в большом интересе. Не вдаваясь в детальный анализ этой схемы — мы разрешим себе сделать несколько замечаний.

Нам представляется, что применение предложенной Е. Шатаном схемы изучения общественной производительности труда связано с наибольшими опасностями именно в период резких структурных сдвигов в составе совокупного промышленного производства и его продуктов, т. е. именно в тех случаях, когда, по т. Шатану, применение этой схемы особенно необходимо и единственно способно обеспечить правильность результатов исчисления. Мы здесь не имеем в виду практических учетного свойства трудностей, хотя вряд ли их возможно преуменьшить (осложнение статистической и бухгалтерской отчетности, изменение физического и морального износа оборудования, вопрос о котором до сих пор не может считаться разрешенным, и т. д.). В данном случае, у нас возникает другого порядка сомнения.

В период резких структурных сдвигов, наряду с изменением удельного веса отдельных отраслей в совокупном промышленном производстве, появляются новые отрасли; появляются в старых отраслях

новые по свойствам и назначению виды продукции. В частности, уже начало реконструктивного периода в нашей промышленности отмечается появлением автостроения, тракторно- и комбайностроения, добычей калийных солей и пр. В связи с этим у нас возникает вопрос, как включаются в конструируемую совокупность, в «подсчет» ранее не производившиеся продукты, какая оценка дается этим продуктам, не производившимся и, стало быть, не имевшим оценки в базисном периоде.

Можно допустить (в действительности это не так), что в условиях, когда меняются удельные значения отдельных видов продукции, но остается постоянной их номенклатура, производительность первоначальных оценок не может существенно отразиться на результатах исчисления. Но в случае, указанном выше, вся схема ставится под удар. Невольно напрашивается аналогия с хорошо известными затруднениями при исчислении индексов цен, когда из рыночного оборота выпадают ранее обрабатывавшиеся товары или появляются новые, или резко меняется роль частной и общественной торговли. Но это — только аналогия. В интересующем нас случае эти затруднения имеют неизмеримо большее принципиальное значение.

В самом деле, произвольность в оценке нового, но делимом потребляющегося внутри же промышленности при производстве учитывавшихся уже в базисном периоде изделий продукта — допустим алюминия — исказит только распределение чистой продукции между отраслями, но не затронет конечных результатов исчисления — динамики «продукта годового труда» в промышленности. Но совершенно иное получится, если эти новые для изучаемого периода продукты труда в промышленности, являющиеся конечными продуктами или — как в нашем примере, — предназначаемые для производственных целей в других отраслях народного хозяйства (тракторы, комбайны, калийные соли) не были учтены в базисном периоде и войдут в «подсчет» по произвольной оценке. В этом случае устанавливается произвольное распределение чистой продукции уже между отраслями народного хозяйства и тем самым искажается конечный результат исчисления — общественной производительности труда в промышленности.

Мы остановились только на этом вопросе, ибо в нем, оставаясь на исходных теоретических позициях т. Шатана, мы видим одно из самых слабых мест предложенной схемы. И приходится недоумевать, как мог автор совершенно не коснуться этих затруднений, обойти их молчанием.

Возникают вообще серьезные сомнения, возможно ли вообще построить за длительный период «методологически корректный» индекс общественной производительности труда в промышленности. Эти сомнения отнюдь не беспочвенны. Во всяком случае, в настоящее время для построения такого индекса нет необходимых предпосы-

лок в виде законченной методологии учета и соответствующей ей статистической отчетности. Но нам представляется, что проблема учета динамики общественной производительности труда вообще не разрешима в пределах одной отрасли народного хозяйства, в данном случае в промышленности, и что ее разрешение мыслимо толь-

ко в масштабе народного хозяйства. В этом направлении должны быть переключены усилия экономико-статистической мысли, и в теории народного дохода, динамика его реального объема должен быть найден ключ в разрешении проблемы общественной производительности труда.

Я. Кваша.

«Бюджет рабочих и служащих». Вып. I. «Бюджет рабочей семьи в 1922—27 гг.». Текст. Стр. 100. Цена 2 р. 50 к. Вып. II. «Бюджеты рабочих и служащих в декабре 1922 г.». Таблицы. Стр. 189. Цена 2 руб. Вып. III: 1. «Бюджеты рабочих в ноябре 1923 г.». 2. «Бюджеты рабочих в ноябре—декабре 1924 г.». 3. «Бюджеты рабочих в ноябре 1925 г.». 4. «Бюджеты служащих в ноябре 1925 г.». Таблицы. Стр. 715. Цена 10 руб. Статистическое Издательство. Москва, 1929 г.

Начиная с декабря 1922 г. Центральное Бюро Статистики Труда ежегодно проводит обследование месячных бюджетов рабочих и служащих. Материал этих эпизодических обследований интерпретировался в самых различных экономических изданиях: статьи в центральных и местных органах периодической печати, отдельные публикации табличных сводок в периодических изданиях органов статистики труда, наконец, самостоятельные издания, посвященные освещению материалов обследования. Несмотря на это, предпринятое ЦСУ издание серии, посвященной публикации всего накопленного богатства материалов, не только не является лишним, но его должно всячески приветствовать, ибо в конце-концов все прежние публикации носили более или менее случайный характер и не давали цельного представления обо всей совокупности исследования.

при старом, характеризуется лишь большим уточнением и более глубокой проработкой одних и тех же вопросов.

Отличительной особенностью исследования, о которых идет речь, это — месячный отрезок времени, охватываемый каждым из них: декабрь 1922 г., ноябрь 1923 г., от 15 ноября по 15 декабря 1924 г. и ноябрь 1925, 26 и 27 г.

При том интенсивном темпе изменений в уровне жизни рабочего класса, которым особенно характеризуются первые годы восстановительного процесса, каждое из обследований могло дать нечто вроде ментальной фотографии изучаемого явления, со всеми, кстати, отличительными особенностями и дефектами последней. Подчеркивая наиболее характерные и вышуклые элементы рабочего быта, они оставляли в тени все менее яркое, но не менее существенное.

Как видно из публикации табличного материала, относящегося к обследованию 1922 г., авторами была сделана попытка, по данным месячного бюджета и некоторым дополнительным сведениям о годовых нормах потребления, собранным путем опроса обследуемых «объектов», построить годовой расходный бюджет. Но уже в следующем году авторы отказались от этого искусственного приема, совмещающего, с одной стороны, разные методы исследования (приходно-расходную запись и опрос), а с другой, данные месячного и годового бюджета, т. е. данные, несущие в себе всяческую печать сезонности, и данные, свободные от таковой. Своим отказом от построения подобной конструкции авторы как бы подчеркивают временный, сезонный характер каждого исследования в отдельности и динамическую природу всех исследований, вместе взятых.

Вторая установка рецензируемых материалов, с которой приходится считаться читателю, относится уже не к характеру самого исследования, а к системе его публикации: речь идет о территориально обобщенных показателях, в которых преподаны все опубликованные материалы. Только материалы обследования 1922 г. даны в территориальной группировке, соответ-

ствующей пунктам, в которых произведено само обследование, все же остальные материалы сведены к трем основным группам: столицы (Москва и Ленинград), провинциальные города РСФСР и УССР. Само собою разумеется, что когда в одну группу объединены все, например, рабочие УССР, горняки Донбасса и рабочие металлзаводов Днепронетровска и Харькова, рабочие сахарных заводов мелких населенных пунктов Украины и рабочие Киева и Одессы, — то типичные и характерные для каждой из этих групп черты вытравляются из подобного рода табличной сводки и остаются лишь наиболее общие для всех рабочих признаки.

Наряду с динамической установкой исследования выделяется и другая его специфическая особенность: установка на изучение только общих, присущих всему рабочему классу тенденций развития.

Такая установка имеет свой безусловный *raison d'être*. Но она имеет и свои неудобства, особенно, когда освещение той или иной общей проблемы может быть дано лишь посредством монографического исследования, ориентированного на тщательную территориальную группировку. Так, например, обстоит дело с такими существенными элементами рабочего быта, как собственное производственное хозяйство, побочные доходы рабочей семьи и даже, хотя и в меньшей степени, жилищный вопрос.

Обе вышеуказанные особенности рецензируемых материалов отражаются отрицательно на характеристике доходной части бюджета. При этом даже динамический характер всего исследования не дает возможности сгладить эти дефекты и принуждает авторов к целому ряду неизбежных оговорок и замечаний об относительной достоверности приводимых показателей и о том влиянии, которое оказал на них месячный период обследования. Особенно много таких оговорок имеется в отношении рассмотренной роли заработной платы в рабочем бюджете.

Из всего круга вопросов, охватываемых бюджетным исследованием, пожалуй, одна только проблема заработной платы подвергается всестороннему экономическому освещению помимо бюджетов. Преимущественным же источником познания всех остальных проблем является именно бюджетное исследование. Перед автором, который взял бы на себя освещение всей массы большого статистического материала бюджетных исследований, встала бы задача, во-первых, описать всю совокупность условий рабочего быта и его динамику и, во-вторых, показать, в какой связи с общеправовой и экономической обстановкой находятся происшедшие изменения. Решение этой задачи осложняется еще месячным периодом бюджетных исследований, ибо автору надлежало бы выделить и элиминировать все временное и случайное, что принесено в материал особенностями данного месяца, и остановить свое внимание на

том общем и характерном, что присуще всему периоду исследования. С этой сложной задачей прекрасно справился автор I выпуска серии, Г. С. Полляк. Со свойственной ему манерой сжатого и краткого изложения он сумел в небольшом относительно очерке дать характеристику динамики всех без исключения элементов рабочего быта, указав движущие пружины, под влиянием которых происходили в нем изменения.

Отмечая почти удвоение реальных размеров бюджета (прирост на 82%), Г. С. Полляк указывает, что параллельно этому процессу происходила нормализация в строении доходного бюджета: увеличение доли заработной платы в бюджете, уменьшение отрицательных источников дохода, падение доли побочных доходов, в частности, доходов от собственного производственного хозяйства. Чрезвычайно интересно отметить все растущее значение поступлений от органов соцстраха, роль которых вместе с поступлениями от собега составляет к концу рассматриваемого периода 4—5% всего бюджета и 5—6% от заработной платы.

Рассматривая динамику строения расходного бюджета, автор справедливо указывает, что отмеченное повышение уровня благосостояния не нашло в строении бюджета соответствующего отражения; это — особенно ясно, если исходить из предельной известной формулировки «закона» Энгеля—Шваабе, гласящего, что по мере роста благосостояния расходы на первоочередные потребности (питание, жилище) понижают свою долю в бюджете, а «второстепенные» расходы, наоборот, ее повышают. В действительности же, несмотря на колоссальный рост бюджета, основные его элементы или сохраняют свои позиции (питание, одежда), или, вопреки всяким законам, повышают свой вес (жилище). Автор, однако, не считает, что этим обстоятельством опровергается самый закон, а правильно заключает, что он сохраняет свое действие в статистике или в неизменной экономической обстановке, т. е. при одинаковом уровне цен и т. д. Автор вносит еще одну поправку в формулировку этого закона. Хотя он и оговаривает, что она относится лишь к форме, а не к существу закона, она все же в условиях советской действительности в значительной мере видоизменяет и его содержание. Смысл этой поправки сводится к тому, что в наших условиях этот закон может быть отнесен не только к структуре всего бюджета, но также и к структуре отдельных сложенных его элементов, в частности, к питанию: «Наиболее характерным моментом развития рабочего бюджета в рассматриваемые годы было перемещение центра тяжести питания от объемистых и дешевых растительных продуктов к более ценным в физиологическом отношении и более дорогим продуктам животного происхождения» (стр. 30, вып. I). Именно в силу отмеченного обстоятельства питание и сохранило

свои позиции в бюджете, несмотря на почти удвоение его абсолютных размеров.

При анализе самого питания автор строит интересную схему определения тех отдельных факторов, под влиянием которых формировалась его динамика. Отмечая количественное и качественное улучшение питания и особенно подчеркивая последнее, автор дает наглядное изображение этого процесса, удачно строя индексы потребления продуктов питания, наглядно, в одном числе, показывающие, как изменялось и насколько улучшалось питание за все рассматриваемое пятилетие. Индекс последней из рассматриваемых автором дат (ноябрь 1927 г.) определяет улучшение питания в 163 (100—декабрь 1922 г.), при чем в последние годы пятилетия темпы прироста, составлявшие вначале 11—22% за год, падают в последние годы до 1,4% (в 1926 г.) и 3,8% (в 1927 г.). Не приходится, конечно, сомневаться, что основным фактором, под влиянием которого происходило это улучшение питания, является рост благосостояния рабочих. Автор построил любопытную таблицу, сравнивающую динамику потребления отдельных продуктов за все рассматриваемые годы и изменение их потребления в различных группах благосостояния на одну из дат обследования. Совпадение происходящих изменений в том и другом рядах почти полное, и там и здесь изменение питания в первую голову происходит за счет улучшения его качества. В той же мере, в какой совпадение не имеет места, обстоятельство это всецело объясняется различной динамикой цен разных групп продуктов. Анализируя влияние цен на уровень питания, автор очень интересным приемом исчисляет, в какой мере рабочее хозяйство, реагируя на повышение цен, видоизменяет свой пищевой рацион без ущерба для уровня питания. Результат этого исчисления формулируется автором нижеследующим образом: «Эти 1,8—2,9% общей стоимости питания и характеризуют приблизительно ту меру приспособления, которую обнаруживает состав потребления под давлением меняющегося уровня цен, иначе говоря, относительную величину той экономии, которую получает хозяйство без ущерба для потребления, приспособляя состав потребляемых продуктов питания к наиболее выгодным при данном уровне потребления ценам» (стр. 42).

Автор далее определяет, как видоизменяется питание под давлением остальных потребностей. Он применяет здесь метод анализа динамики питания в неизменных

по уровню благосостояния группах. Выводы, к которым он приходит, говорят, что, несмотря на сильное давление других потребностей, «питание твердо сохраняет свои позиции в бюджете и даже стремится расширить их за счет других расходных статей» (стр. 44). Мы не можем в рамках рецензии столь же подробно останавливаться на остальных не менее интересных частях обзора Г. С. Поляка, относящихся к рассмотрению других элементов расходного бюджета. Остановимся лишь на наиболее ярком и существенном. Автор весьма убедительно показывает, как протекал эти годы процесс восстановления одежного и проч. вещевое инвентаря. Он показывает, что, первые годы восстановительного процесса происходило именно восстановление инвентаря, а не только приобретение его, ради удовлетворения текущих потребностей. Наконец, чрезвычайно эффектны и показательны используемые автором материалы серии относительно вещевых запасов. Эти таблицы, помимо общей характеристики быта, помимо описания низкого материального уровня этого быта, дают вместе с этим совершенно недвусмысленную картину роста «потребительского накопления».

Ряд прогрессивных явлений динамики рабочего быта не нашел своего отражения в бюджете. Сюда в первую очередь относятся расходы по удовлетворению культурных и др. аналогичных потребностей. Но анализ потребления соответствующих благ, полученных в натуре, показывает, что и здесь за эти годы наблюдается определенный рост.

Вообще проблема влияния предложения на уровень потребления многократно ставится автором на протяжении своего обзора. Но именно ставится, ибо для подробного освещения этого вопроса бюджеты не дают пока достаточного материала. Но в качестве постановки вопроса указания автора и здесь будят мысль и заставляют определенным образом ориентировать будущие исследования.

Если прибавить, что помимо вышесказанного автором использованы подробные таблицы социальных секторов торговли, обслуживающих потребление рабочего класса, то этим, пожалуй, исчерпывается основной круг вопросов, затронутых как в самом первоисточнике, в табличном материале, так и в текстовом обзоре. Таковы в общих чертах основные моменты рецензируемых материалов.

В. Львов.

«Хозяйство ЦЧО». — Ежемесячный экономический журнал, орган Центрально-Черноземной Областной плановой Комиссии. №№ 1—11 за 1929 г.

Сельское хозяйство во всей экономике ЦЧО занимает преобладающее положение. Вместе с тем, состояние и развитие его в этой области находится в особых условиях по сравнению с другими районами Союза. Естественно, что для областного экономического органа вопросы, связанные с сельским хозяйством, являлись основными темами. Добрая половина всех статей, помещенных в журнале за 1929 г., как раз и относится к сельскому хозяйству.

Из этих статей прежде всего отметим следующие три статьи, посвященных вопросам расслоения: Н. Варгафтика «О расслоении» (№ 1), С. Алексеева «Об изученных процессах расслоения крестьянского хозяйства» (№ 3) и И. Варгафтика «Против смазывания вопросов расслоения ЦЧО».

Построивши свою первую статью на материалах динамического обследования 1927 г., т. Варгафтик берет в основание для своих выводов типологическую схему, разбивающую сельское население на четыре группы: пролетариат, полупролетариат, простые товаропроизводители (с подразделением на бедных, средних и зажиточных) и мелкокапиталистические хозяйства. Главными признаками, определяющими указанные социальные группы по этой схеме, являются — средства производства, работа по найму и наем рабочей силы. Кроме этого Варгафтик разбивает данные обследования на 23 классификационных признака в разрезе 7 групп по стоимости средств производства.

Автор не дает достаточной разработки материала, да и сам материал одной и перенес только за 1927 г. не является достаточной основой для обобщений и решающих выводов, в виду отсутствия показателей в динамике за ряд лет. Кроме того отсутствие в материалах признаков, характеризующих объем продукции отдельных групп крестьянства, и отсутствие дифференцированного анализа по наличию рабочего скота и по площадям посева, уменьшают интерес статьи, делая ее не полной. Правда, для сверки автор приводит некоторые данные по, так называемым, натуральным признакам. Мы считаем, что, взяв в основу средства производства, не мешало бы более подробно остановиться на натуральных признаках. Это во всяком случае не умаляло бы значения статьи.

Однако, надо констатировать, что основное методологическое направление статьи является правильным.

Поэтому мы, вместе с т. Варгафтик, должны высказаться против установок автора второй статьи по данному вопросу — С. Алексеева, стремящегося в своей работе смазать расслоение крестьянства в ЦЧО. С. Алексеев берет в основу своих построений группировку по посевам и по

рабочему скоту в сравнении ЦЧО с Сев. Кавказом. На основе этого сопоставления автор делает ряд выводов, основным из которых является положение о более равном, однородном состоянии крестьянского хозяйства ЦЧО, чем на Сев. Кавказе. Избегая прямо утверждать незначительность дифференциации крестьянства ЦЧО, автор все же в ряде мест говорит о наличии более крупной группы середняков, большей срезанности «крайних флангов деревни» и т. д.

Всякому, кто знаком с экономикой районов СССР, понятно, что ни в коем случае нельзя отождествлять крестьянское хозяйство ЦЧО с крестьянским хозяйством Сев. Кавказа по натуральным признакам. Это два значительно различающихся между собой района. Кроме того нельзя делать выводов на основе одной небольшой таблицы, характеризующей крестьянство по посевной площади и наличию рабочего скота в 1926 г. Совершенно понятно, что такая табличка, да еще в сравнительном разрезе с Сев. Кавказом, не может претендовать на основание для ряда серьезных выводов.

Поэтому попытка С. Алексеева — обобщать свою концепцию потерпела фиаско, и И. Варгафтик с достаточной убедительностью доказал неправильность его установок в своей второй статье, являющейся ответом на статью С. Алексеева.

Указанными тремя статьями исчерпан тема о расслоении. Журналу надо более серьезно осветить этот вопрос, глубже и шире охватить тему.

Вопросам колхозного строительства посвящено несколько статей.

Н. Пешков в статье «Перспективы колхозного строительства» (№ 1), останавливаясь на основных достижениях в этой области, главное внимание уделяет анализу контрольных цифр колхозного строительства на 1928/29 г. Исходя из установок партии о коллективизации сельского хозяйства, автор совершенно правильно заостряет вопрос усиления планового начала в этом деле и усиления руководства массовым движением крестьянства в сторону колхозов, делая правильный прогноз о том, что при условии соблюдения этих моментов можно ожидать более бурного процесса коллективизации. Действительность показала, что установка 1928/29 г. в этой области как по СССР, так и в ЦЧО были превзойдены.

Строительству окружных колхозов ЦЧО посвящена статья А. Андреева в № 9 журнала. Останавливаясь на практике крупного колхозного строительства, автор уделяет особое внимание организационным формам строительства, рекомендуя создание крупных объединений на базе тракторных колонн и совместного ведения сельского хозяйства всем объединением, с со-

хранением самостоятельности отдельных колхозов, входящих в это объединение.

При этом автор не отстаивает необходимости оставления этих организационных отношений на все последующее время, наоборот, он видит в этом «процесс перерастания кустового объединения в крупный колхоз».

В статье заостряются также вопросы механизации и специализации колхозов, устанавливается слабость процесса специализации, являющейся в условиях ЦЧО одним из важнейших моментов, благоприятствующих росту колхозов. Кроме того автор разбирает вопросы труда в колхозах.

В № 10—11 помещена статья М. Пьяных «Товарность колхозов ЦЧО». В этой статье приведены интересные данные о товарности отдельных видов колхозов (коммуны, артели, товарищества по совместной обработке земли). Как и следовало ожидать, товарность резко падает у артелей по сравнению с коммунами и еще более резко у товариществ по совместной обработке земли в сравнении с двумя первыми видами колхозов. «Валовая товарность коммуны, примерно, в пять раз выше валовой товарности товариществ по СОЗ и в два с лишним раза больше товарности артелей».

Выводы, к которым приходит автор, понятны без детальной их обрисовки.

В №№ 2 и 3 помещены статья Г. Прядченко «О поднятии урожайности и проведении весенней посевной кампании в ЦЧО» и А. Ремейко «За поднятие урожайности, за расширение посевных площадей».

Трагедия один и тот же вопрос, авторы в общем правильно заостряют внимание на задачах партийного и советского аппарата в области поднятия урожайности и весенней кампании, но в той и другой статье задачи обществленного сектора и, в частности, коллективизации сельского хозяйства, не получили достаточного отражения. Между тем, в проблеме поднятия урожайности и расширения площадей вопросы коллективизации и обобществления сельского хозяйства имеют большое значение.

В ряде других статей по сельскому хозяйству представляет интерес статья А. Быстрицкого — «Сельское хозяйство ЦЧО требует к себе большего внимания», помещенная в № 9 журнала.

Останавливаясь на нуждах сельского хозяйства ЦЧО и на удовлетворении их в решениях правительственных органов, автор жалуется на недостаточное внимание к ним со стороны общественных органов.

Несколько статей посвящено интенсификации сельского хозяйства и техническим культурам. Эти вопросы в условиях ЦЧО имеют первостепенное значение, и проблема оскудения может быть разрешена параллельно с коллективизацией также и за счет интенсификации и специализации сельского хозяйства. Детальную разработку данного вопроса мы находим в статьях: В. Лукина «Картофель» и сахарная свекла

в ЦЧО» (№ 9), А. Долгополова «Роль технических культур в реконструкции сельского хозяйства» (№ 7—8), Е. Полубенского «Культура конопли» (№ 5—6) и в других статьях.

Кроме того, сельскому хозяйству посвящено еще много статей на различные темы (химизация сельского хозяйства, контрактация, ряд статей агрономического порядка и т. д.).

В общем технические вопросы сельского хозяйства получали на страницах журнала должное освещение. Недостаточно внимания уделено совхозам к вопросам сплошной коллективизации.

Ряд статей посвящено также вопросам промышленности. Из них отметим статью П. Царева «Промышленность ЦЧО в 1927/28 г.» (№ 2), содержащую общую характеристику промышленности области.

Настоящее состояние промышленности ЦЧО характеризует невысокое ее развитие. Вся валовая продукция промышленности в 1927/28 г. составляла 332 млн. руб., увеличившись против предыдущего года на 39%. Доля промышленности, перерабатывающей продукты сельского хозяйства (маслобойная, свеклосахарная, мукомольная, винокуренная, крахмалопаточная и т. д.) составляет свыше 60% во всей валовой продукции. Удельный вес металлопромышленности равен 5%.

Вот почему проблема металлургической промышленности, имеющая достаточную базу в области (Липецкие руды, Курская аномалия), выпячивается в журнале во всей широте.

В частности вопросу строительства Липецкого металлургического завода посвящено в № 2 три статьи тт. Ремейко, Покатаева, Нисского. Действительно Липецкий завод, включенный в пятилетку, будет одним из крупнейших заводов СССР, благодаря полной обеспеченности сырьевой базой. Залежи руд в этом районе определяются громадной цифрой — 690.000.000 т.

Кроме этих статей в журнале помещен ряд статей, посвященных другим отраслям промышленности, имеющим в области в настоящий момент большое значение. Из них следует отметить статью Сныткина «Сахарная промышленность ЦЧО в 1928 г.», А. Зазорина (№ 3) «Мукомольная промышленность» и т. д.

Пятилетний план развития хозяйства ЦЧО отражен в ряде статей, напечатанных в нескольких номерах журнала.

В № 1 помещена статья И. Карро «Некоторые основные моменты пятилетнего плана развития ЦЧО». Той же теме, охватывающей основные установки пятилетнего плана, посвящена статья А. Ремейко «Хозяйство ЦЧО в пятилетке» (№ 6), являющаяся переработанным докладом пленуму Облсполкома.

Характеризуя основные показатели пятилетки области, т. Ремейко особо останавливается на том отношении, которое имелось при составлении общесоюзной пятилетки

к ЦЧО. Автор особенно упирает на недостаточность темпов развертывания промышленности и электростроительства в ЦЧО, запроектированных союзной пятилеткой.

Этому же вопросу в основном посвящена и статья И. Варейкиса «Против реакционных предрассудков и предубеждений» (№ 4), в которой автор резко критикует первоначальные установки Госплана в отношении промышленного и электростроительства ЦЧО. К сожалению, т. Варейкис, гуская в ход весьма крепкие слова по адресу Союзного Госплана, совсем не обновляет своих запросов в отношении, например, электростроительства, на 200.000 мвт.

Как известно, при окончательной сверстке и утверждения союзной пятилетки роль ЦЧО в промышленном строительстве и электростроительстве была поднята в меру возможностей.

Из отдельных проблем пятилетки особое освещение получили: «Пятилетний план развития сельского хозяйства» — статья Б. Базилевского и Н. Воробьева, «Социально-культурное строительство ЦЧО в пятилетке» — Л. Орловского. Кроме того, помещена статья А. Зыкова «О пятилетнем плане развития промышленности» и др.

Все эти статьи детально освещают основные установки пятилетки. Останавливаться на отдельных показателях мы не имеем возможности.

Итогом первого года, истекшего со времени организации области, посвящена статья Г. Прядченко «Год работы» (в № 7/8). Подведя итоги работы, т. Прядченко останавливается на основных моментах предстоящей работы областных органов в разрезе перспективных планов.

Половина № 10/11 отведена статьям, посвященным контрольным цифрам на 1929/30 г.

В десяти статьях, посвященных этому вопросу и принадлежащих тт. Быстрицкому, Базилевскому, Воробьеву, Чеканову,

Наговицину, Зыкову, Грачеву, Власову и др., нашли отражение все основные отрасли народного хозяйства.

Темп коллективизации сельского хозяйства по ЦЧО на 1929/30 г. намечен в 20%, рост посевных площадей — 15%, рост промышленной продукции — 20%, рост рабочих — 11%, зарплата — 8%, капиталовложения составят 240 млн. руб. против 110 млн. в 1928/29 г., снижение себестоимости — 8% и т. д.

Как видим, показатели по промышленности отстают от союзных, но это обстоятельство кроется в объективных условиях данного состояния промышленного хозяйства ЦЧО.

Следует еще отметить статью «Хлебозаготовительная кампания 1929/30 г.» (переводная в № 9). Здесь даются основные установки новой хлебозаготовительной кампании, в соответствии с решениями партии и правительства. Надо сказать, что помещение одной только статьи, посвященной такой важной кампании за весь год, является недостаточным.

В журнале есть постоянный отдел «По округам и районам», содержащий в каждом номере до десяти статей на местные темы. Это делает журнал более интересным и приемлемым для широких слоев районного и окружного актива.

В отделе библиографии помещаются рецензии на книги и журналы, главным образом, связанные с хозяйством ЦЧО.

В дальнейшем надо пожелать журналу не ослаблять внимания к сельскому хозяйству, углубляя разработку социальных вопросов. Кроме того, журналу надо больше уделять внимания другим отраслям народного хозяйства: товарообороту, отдельным видам кооперации и пр.

В общем «Хозяйство ЦЧО» является серьезным, экономическим журналом, сумевшим в течение года занять место в первых рядах нашей районной экономической прессы.

В. Носов.

«Жизнь Сибири» — ежемесячный журнал политики, экономики и краеведения. Изд. Сибкрайисполкома, Новосибирск, 1929 г.

Издающийся Сибирским Крайисполкомом журнал «Жизнь Сибири» следует признать одним из лучших провинциальных экономических журналов. Общеплановые вопросы, постановка и освещение важнейших проблем по всем отраслям народного хозяйства, солидный краеведческий отдел, наконец, довольно высокое качество помещаемых материалов в отношении их содержания — вот, что позволяет сделать этот вывод.

Богатейшие потенциальные возможности Сибири и обилие ее хозяйственных ресурсов требуют внимательнейшего изучения и описания процессов роста в сибирском хозяйстве. С этой точки зрения нельзя не

приветствовать выпуск специального двойного номера журнала (7—8), посвященного итогам 1928/29 г. и контрольным цифрам плана на 1929/30 г.

Основной проблемой в контрольных цифрах Сибири является проблема сельского хозяйства. Юго-западные области богатой хлебом Сибири испытали недавно недород и в настоящее время необходимо ликвидировать последствия этого недорода и вместе с тем увеличить рост посевов.

В промышленной области важнейшим явлением надо признать создание Кузнецкого комбината (каменноугольного, металлургического и химического), который будет иметь общесоюзное значение. В 1929/30 г.

строительство этого комбината должно значительно подвинуться вперед. Общая стоимость капитальных работ в промышленности превысит 155 млн. руб. Производительность труда должна повыситься на 22%, снижение себестоимости запроецировано в размере 8%. Сибирские контрольные цифры стоят по своим качественным проектировкам ниже общесоюзных, наметавших по производительности труда повышения на 25%, а по снижению себестоимости — 11%.

Интенсивное развертывание хозяйства обуславливает повышенные требования к работе Сибирских плановых органов. Этот вопрос трактуется в статье М. Реминга — «Перед новым этапом в плановой работе». В деятельности Крайплана можно усмотреть два этапа, разграничиваемые примерно серединой 1926 г. Первый из этих периодов характеризуется ненадежностью плановой работы, особенно в области перспективного планирования. Так, подалась попытка построить генеральный план и также недостаточно стройным оказался пятилетний план, носивший скорее характер обоснованной заявки. В период же последнего трехлетия составлены несколько вариантов перспективного плана, генеральный план, контрольные цифры (троекратно) и т. д.

Несмотря, однако, на количественные достижения, качество плановой работы автор считает недостаточно удовлетворительным.

Для устранения этого автор настаивает на необходимости осуществления не новой, но верной идеи насчет разграничения оперативных и плановых функций. С этим связан и вопрос о функциях Окрплана.

Еще в 1928 г. «Жизнь Сибири» поместила несколько статей, в которых проводились противоречивые взгляды по вопросу об участии окрпланов в составлении пятилетки. В 1929 г. Сибкрай высказался за полное уничтожение окрпланов. Напротив, С. Рубцов в статье: «Об окрпланах» полагает необходимым укрепить положение окрпланов.

Среди различных отраслей хозяйства, пожалуй, наибольшее внимание уделяется журналом промышленностью. Можно отметить статьи: В. Корнева — о снижении себестоимости (№ 5), две статьи о промышленности Кузбасса (№ 6), статью П. Беневоленского о проблеме промкадров (№ 5), статью о семичасовом рабочем дне (№ 4) и т. д.

В первой из перечисленных статей приводится ряд фактов, на которых стоит остановиться. В области качественных показателей сибирская промышленность дает явно неблагоприятные результаты. В 1927/28 г. снижение себестоимости, взамен утвержденных по плану 4,2%, выразилось всего в 0,6%, при чем по угольной промышленности союзного значения имело даже место повышение в размере 5%. Первое

полугодие 1928/29 г. обнаружило некоторое улучшение, но и эти итоги оставляют желать много лучшего: себестоимость снизилась на 1,7%, при плановом задании 6,5%. При этом производительность труда отставала от плана на 10,3%.

Основной причиной невыполнения директивных заданий по себестоимости автор считает не объективные, а субъективные моменты в производстве. Крайне небрежно используется сырье. В Алтвехтресте, по свидетельству автора статьи, расходуется на десятки тысяч рублей шерсть на внутренние нужды, много шерсти уносится с фабрики в карманах рабочих и т. п. На обувных фабриках допускается небрежный крой, понижающий выход годной продукции.

Весьма велик процент брака, а на многих неправильно установлены нормы выработки.

Небезинтересные данные приводятся в вышеназванной статье о промкадрах. В 1928 г. в сибирской промышленности союзного подчинения имелось 268 инженеров и техников, что составляло 1,6% от числа рабочих, а в краевой промышленности 205 инженеров и техников, или 2,8%. К концу пятилетки эти цифры соответственно должны возрасти до 1,352 чел., или 4,7% (в союзных предприятиях).

Из материалов, освещающих вопросы сельского хозяйства, останавливаемся на помещенной в № 6 журнала статье М. Мишеева — «Основные выводы из весенней селхоз. кампании». Весенний посев 1929 г. должен был увеличиться по сравнению с 1928 г. на 12,5%; фактическое увеличение выразилось в 10,8%. Особенно интересны данные о социальных сдвигах.

	Посевная площадь			
	в тыс. га		% к итогу	
	1926 г.	1929 г.	1928 г.	1929 г.
Едиличные хозяйства . . .	8.136,6	8.624	97,8	93,6
Колхозы . . .	153,4	5.606,6	1,8	6,1
Совхозы . . .	29,2	36,7	0,4	0,4
	8.319,2	9.221,7	100,0	100,0

Таким образом, удельный вес колхозов за один год возрос более, чем в три раза.

Рост посевной площади в 1930 г. предположен по контрольным цифрам в размере 115% от 1929 г.

Отметим хорошо поставленный библиографический отдел, в частности, рецензии на контрольные цифры пятилетнего плана Госплана СССР и ВСНХ СССР и т. д.

Не останавливаясь на материалах по краеведению и на обзорах отдельных районов, выскажем лишь пожелание, чтобы этим последним уделялось больше внимания.

О. К.

«Нижегородское Хозяйство». — Планово-экономический журнал, орган Нижегородского Губплана, 1929 г. 1.

Журнал «Нижегородское Хозяйство» оставляет благоприятное впечатление, благодаря разносторонности помещаемого материала и умению своевременно отзываться на актуальные темы.

Материал комплектуется таким образом, чтобы по возможности равномерно освещать все стороны хозяйственной жизни. При этом большое внимание уделяется вопросам планирования как в смысле очередных проблем плана, так и конкретных методов планирования и организации плановых учреждений.

В № 7—8 журнала помещена статья П. Сусллова «От Губплана к Облплану», посвященная реорганизации Плановой Комиссии, в связи с образованием Нижегородской области. Автор считает, что Губплан проявил значительную энергию в направлении максимального использования ресурсов губернии; доказательством этому служат решение о постройке в Нижнем автозавода, энергичная достройка «Нигрэс» и т. п.

В области чисто плановых работ Губплан составил генеральный план, выпущенный отдельной брошюрой в 1927 г.; пятилетний перспективный план, представленный на утверждение XIV Губс'езду советов; годовые контрольные цифры на 1926/27, 1927/28 и 1928/29 гг. Далее, Губплан подготовил образование Нижобласти.

При Губплане организована в 1925 г. «Нижегородская ассоциация по изучению производительных сил», имеющая свой печатный орган, вышедший уже в количестве 9 выпусков.

Таковы, в общих чертах, результаты деятельности Губернской плановой комиссии. Автор указывает, вместе с тем, на ряд отрицательных моментов в деятельности Губплана; таковы: «недостаточная четкость и разграниченность функций по отдельным частям рабочего аппарата; крайняя загруженность мелкими делами; недостаточная связь с центральными плановыми органами и отсутствие с их стороны руководства плановой работой; неурегулированность взаимоотношений с представителями центрального подчинения».

Мы подробно останавливались на данной статье, так как она рисует условия, характерные для большинства провинциальных плановых комиссий.

В том же № 7—8 журнала имеется статья: «На темы пятилетки», освещающая важнейшие моменты перспективного плана. Согласно основному положению этого плана, Нижегородская область должна развиваться как промышленно-лесная. Узким местом в экономике области является транспорт, в соответствии с чем перспективный

¹ В конце 1929 г., в связи с организацией Нижегородского края, рецензируемый журнал преобразился в орган Крайплана, под названием «Нижегородский Край».

план предусматривает постройку жел.-дор. линии Нижний — Шемордан (участок Сибирской сверхмагистральной), Ижевск — Глазов и др. Эти дороги облегчат снабжение нижегородской металлпромышленности уральским сырьем, помогут эксплуатации лесов Вотской области и др.

Наиболее значительные капитальные работы намечаются, однако, в промышленности. Общая сумма их достигает 650—700 млн. руб.; перечисляя главнейшие из этих работ, надо упомянуть о реконструкции Сормовского завода, постройке механизированного стекольного завода, достройке бумажной фабрики, реконструкции Бятского горнозаводского округа и т. п. Около 72% затрат на капитальное строительство в промышленности направляются по линии тяжелой индустрии.

Технико-экономический уровень сельского хозяйства будет повышен с помощью мероприятий по машиностроению, землеустройству и т. д.

Наименее удовлетворительно разработан, как отмечает статья, раздел пятилетки о социально-культурном строительстве. Пользуясь формулировкой автора, — «наметки в области народного просвещения, здравоохранения и т. п. — общи и не развернуты».

В № 5—6 журнала находим обширную статью И. Карбова «Дробное районирование Нижегородской губернии». Руководствуясь, примерно, теми же принципами, которые были выше рассмотрены, автор статьи объединяет все расположенные на территории Нижегородской губернии рынки (в количестве около 80) в три основные группы: северный лесной район, центральный промышленный кустарный район и южный сел.-хоз. район. По средней величине территории районы Нижегородской губернии будут наименьшими, но по числу жителей они будут стоять впереди большинства районов прочих губерний.

Безусловно интересный вопрос ставит С. Папшев в статье — «Строительство совхозов в Нижегородской губернии» (№ 5—6). Указывая, что уже в течение продолжительного времени трактуется вопрос об организации совхозов в северных уездах Нижегородской губернии, автор развивает широкие перспективы этого дела, рекомендуя для этой цели занять часть территории, находящейся ныне под лесом. «Перевод части зем. территории, занятой лесом, под новые совхозы, — аргументирует автор, — не может ни в какой мере ограничиться ни на водном режиме рек, ни на доходах государства от леса, так как, если даже ответи под новые совхозы (на всем северо-востоке) 2—3 млн. га, разумно вкрапленные в общий массив лесов, то от этого водный режим не пострадает, а государство, наоборот, выигрывает от увеличения экспорта, а также насыщения внутреннего рынка лесоматериалами. От этого мы беднее лесами не будем, а если бы даже и несколько по-

уменьшили свои леса, то социалистическое строительство на данной стадии своего развития обязывает нас и на это пойти».

Автор полагает, что для организации совхоза-комбината потребуется около 3 млрд. руб., каковая сумма получится при продаже леса, вырубленного на очищенной под совхоз площади (около 10.000 га). Продукция же такого совхоза должна составить около 3½ млн. руб. ежегодно.

Изложенный проект, несомненно, заслуживает рассмотрения и в применении к другим губерниям.

Вопросы промышленности находят недостаточно полное отражение на страницах журнала, и при том, главным образом, в отделе обзоров, а не статей.

«Коми-Му — Коми Край». Двухнедельный Обкома и Облсполкома №№ 1—23 за 1929 года.

Журнал «Коми Край» (Коми Му) не является чисто экономическим журналом. Его задачей является освещение вопросов не только хозяйственно-экономической, но и политической и культурной жизни края. В соответствии с этим, в журнале охвачен широкий круг тем, далеко выходящих за пределы экономики. Однако, в середине 1929 г. в этом общем характере журнала произошла некоторая перемена. В течение всего первого полугодия «Коми-Край» отдавал большое внимание статьям узко-краеведческого характера. В это время, наряду с экономическим отделом журнала, важную роль играл «краеведческий отдел», где помещались специальные статьи (например, «Развитие коми-письменности» № 1, «К вопросу о социально-экономических предпосылках обращения Коми в христианство» № 3 и т. д.). Социально-культурный отдел (со статьями: «К вопросу о дефицах в «комязыке» или «Коми-областной музей» № 8).

Начиная с конца лета 1929 г., в связи со специальной резолюцией Бюро Обкома ВКП(б) о журнале «Коми-Му», — наступила перемена. Материалы, не имеющие широкого значения, стали передаваться в специальный краеведческий орган и «Коми-Му» сделался политико-экономическим органом.

Чрезвычайно важная для края проблема лесозаготовок освещена в статьях «Центральная хозяйственная задача» (№ 3), «Состояние лесозаготовок в Коми-области» (№ 2), «О лесозаготовках» (№ 4), «Очередная ударная задача «Лесослав»» (№ 6), «Своевременно подготовимся к лесозаготовкам» (№ 11), «За готовность к лесозаготовкам предстоящего года» (№ 15), «Организация советских лесных хозяйств» (№ 16-17), «За улучшение лесного аппарата» (№ 21).

Вопросам транспорта уделено внимание в статьях: «Постройка узкоколейки Якша-Устеловка» (№ 3), «О постройке железной

На путях развития нижегородской промышленности не могут не возникать многочисленные серьезные проблемы и остается позавидать, что они не освещаются достаточно полно в журнале.

Недурно поставлен в журнале отдел критики и библиографии, освещающий как местную литературу, так и книги по общеплановым вопросам.

До сих пор журнал по понятным причинам, освещал по преимуществу хозяйство Нижегородской губернии; ныне надо ожидать значительного повышения удельного веса других губерний, влившихся в область. В общем следует констатировать, что журнал имеет достаточно объективных предпосылок для дальнейшего развития.

О. Куперман.

политико-экономический журнал Коми г., гор. Усть-Сысольск. Шестой год издания.

дотого Пинюг — Усть-Сысольск» (№ 7), «Проблема Камско-Печерского водного пути» (№ 11), «Кама—Печера—Вычегда» (№№ 12 и 13), «К вопросу о выборе направления Ухтинской магистрали» (№ 13), «Заготовки второстепенных экспортных товаров» (№ 1).

Много внимания уделено вопросам сельского хозяйства (статьи в № 1 «Тяжесть с.-х. налога в Коми-области», в № 2 — «К весенней посевной кампании»; № 3 — «О плане весенней посевной кампании широким слоем сектора сел. хозяйства» и «В защиту коллективизации»; в № 4 — «Землеустройство и землепеределка» и «К вопросу расслоения крестьян»; в № 6 — «Готовы ли мы к посевной кампании» и вновь статья: «Об изучении расслоения крестьян»; в № 8 статья «Нужна фуражная база»; в № 9 — «Сельхозналог на 1929 — 30 г.»; в № 10 — «За усиление темпа коллективизации»; в № 15 — «Изучение расслоения крестьян в Междуречской волости»; в № 18—19 — «Некоторые итоги и боевые задачи коллективизации», «О размерах, форме и направлении хозяйств в колхозах», «Делать с.-х. банка или правый уклон на практике»; в № 21 — «К реконструкции сельского хозяйства в области» и в № 22 — «За улучшение качества работы в колхозах» и «Хозяйственная помощь деревенской бедноте».

Таким образом, наиболее важные для области сельское и лесное хозяйство были широко освещены. Всем другим хозяйственным проблемам журнал уделяет гораздо менее внимания. Так, «Контрольные цифры Коми-области на 1929—30 год» (№ 18—19), «Очередные задачи хозяйственного строительства» (№ 5), «Пятилетний план культурно-хозяйственного строительства Коми-области» (№ 5) и «Перспективы хозяйственного культурного строительства на 1929—30 г.» (№ 14), — этими четырьмя

статьями исчерпывается освещение общего хозяйственного плана области. Две статьи: «К строительному сезону 1929 г.» (в № 6) и «Нужна деревообделочная фабрика» (№ 22) — исчерпывают освещение вопросов промышленного строительства.

О рыбном промысле в журнале помещен только краткий промыслово-экономический очерк «О рыбном промысле на Средней Печере» (№ 9) и очерк «О хранении и транспортировке речной рыбы на Севере» (№ 14). Большинство помещенных статей невелики по объему.

Таким образом, можно прийти к выводу, что журнал, учитывая особенности области, ставил задачей освещение чисто местных проблем, носящих актуальный характер, и избегал экономического «теоретизирования». Правда, помещаемые в том же журнале статьи на общеполитические темы давали эту общую установку, которой не доставало экономическим статьям.

Переходя к рассмотрению содержания отдельных статей, остановимся в первую очередь на только что отмеченной небольшой группе статей, освещающих общий хозяйственный план Коми-области. Эта область принадлежит к числу наиболее отстающих в экономическом отношении районов РСФСР. Она территориально обособлена от ближайшего крупного центра — Архангельска и раскинулась на громадном протяжении — 434 тыс. кв. км (а после районирования — 550 тыс. кв. км). Малочисленность населения — всего 200 тыс. чел., а после районирования — 258 тыс. чел., малая экономическая мощь, слабость бюджета — все это характерно для Коми-области. Ее экономической базой на ближайшее время является лес и лесопромышленность. Авторы статей ставят вопрос о необходимости энергичного подтягивания области, указывая на необходимость проведения железной дороги в области в течение текущего пятилетия, насаждения лесохимической и целлюлозно-бумажной промышленности, развития сельского хозяйства и особенно животноводства. Более широкие перспективы хозяйственного развития могли бы быть связаны с благоприятными результатами изучения залежей каменного угля, радия, нефти, с целью определения возможности их промышленной эксплуатации. Но такое изучение еще только ставится.

В рассматриваемых статьях нашли отражение старания местных работников преобразить Коми-область из сельско-хозяйственно-промыслового района в экономический район с промышленным уклоном. Этим объясняется стремление возможно скорее соединить удобных транспортом Коми-область с внутренними рынками сбыта, так как существующий транспорт (голые пути) имеет направление на север, вследствие чего область может быть лишь районом экспортного сырья.

Статьи, посвященные пятилетнему плану области, очень активно требуют помощи центра для скорейшего преобразования

экономического лица Коми-области. Постройка железной дороги Пинюг—Усть-Сысольск для связи области с центрально-промышленным районом, начало постройки Камо-Печерского водного соединения — входят в пятилетний план области. Одновременно, пятилетний план требует начала крупного промышленного строительства, в первую очередь по переработке древесины и расширению эксплуатации леса. В области сельского хозяйства план намечает ряд качественных улучшений, широкое развитие коллективных хозяйств, увеличение площадей полеводства и посева. В итоге, по валовой продукции удельный вес отдельных отраслей хозяйства за пятилетие должен измениться следующим образом: промышленность вырасти с 10,9 до 29,8% и лесоводство увеличиться с 25 до 29,8%, а по сельскому хозяйству упасть с 55,9 до 34,2%, по оленеводству, охоте и рыболовству упасть с 8,9 до 6,2%.

Статьи т. А. Модянова о контрольных цифрах Коми-области на 1929—30 г. (№№ 14 и 18—19) показывают быстрый темп развития области. Общая сумма капитальных затрат во все отрасли хозяйства составляет 34,3 млн. руб. против 8,9 млн. руб. в 1928—29 г., т. е. дает превышение на 28,7%. Особенно резко растут вложения в транспорт, поскольку намечается форсированное строительство железной дороги Пинюг—Усть-Сысольск. В то же время бурно растет валовая продукция области: в % в предшествующем году валовая продукция 1929—30 г. составляет по рыболовству 251%, по ценовой промышленности — 183,9%, по лесному хозяйству — 177,9%. Отстает темп животноводства — 119,7% и растениеводства — 117,6%. Наконец заметно вырастают процессы обобществления хозяйства. Специфические условия отдаленной области таковы, что ряд отраслей (напр., животноводство, оленеводство и охота) ведется единоличными хозяйствами (особенно в северо-восточных районах). Зато в области промышленности, лесного хозяйства и торговли обобществленное хозяйство почти изжило уже единоличное.

В соответствии с общими условиями экономики области, журнал, как отмечено выше, уделит максимум внимания вопросам лесного хозяйства. Целый ряд указанных нами статей отмечает недостатки лесного хозяйства, громадные размеры «мертвых» площадей, которые возможно вовлечь в хозяйственный оборот, недостаточное облуживание лесохозяйственных нужд, недостатки в транспортировке леса, необходимость рационализации лесослава и т. д. Почти все статьи, посвященные этим вопросам, носят чисто деловой, практический характер. Журнал во время отклоняется на злободневные вопросы лесозаготовительных кампаний.

Та же черта — своевременность освещения актуальных вопросов — характеризует и подбор статей по сельскому хозяйству. Из сделанного выше перечня статей, помещенных в «Коми-Му» по вопросам сель-

ского хозяйства, видно, что журнал широко освещал не только вопросы технического подема сельского хозяйства, но и социальную реконструкцию его, выражающуюся в развитии коллективных хозяйств (см. статьи в №№ 3, 4, 10, 11, 18—19, 21, 22). Вместе с тем, журнал уделил место недостаткам практической работы по кредитованию сельского хозяйства (№ 18—19). Трудности коллективизации в Коми-области, по местным условиям, бесспорно больше, чем в других районах Союза. Так, Ф. Тараканов («Некоторые итоги и боевые задачи коллективизации», № 18—19) справедливо указывает, что если колхоз имеет (в связи с редким расселением) в среднем 14—15 дворов, то это такой «гигантский карлик», который не в силах механизировать и механизировать свое сельское хозяйство и не в состоянии дать товарную продукцию государству. Неотложной задачей поэтому является укрупнение колхозов.

Боязн развития колхозов в Коми-области наша свое выражение в статье агронома Бутырева в августовском 1928 г. номере журнала. В этой статье «Состояние и перспективы развития кооперативного и колхозного строительства в Коми области» автор предлагал «отбросить сложные кол-

хозы и удовлетвориться лишь первичными сельско-хозяйственными кооперативными организациями». Статья эта вызвала резкую отповедь т.т. Маегова и Потаповой, напечатавших большую (в №№ 3 и 4 за 1929 г.) статью «В защиту коллективизации». Авторы разбили аргументацию Бутырева, доказав допущенные им четыре грубейших ошибки: 1) он абстрагируется от экономики Союза и социалистической индустрии, 2) преувеличивает трудности коллективизации в условиях Коми области; 3) противопоставляет простые формы колхозов сложным формам, и 4) наконец, ведет к ревизии общей политики по вопросу о коллективизации сельского хозяйства. Помещение статьи агр. Бутырева явилось ошибкой редакции, которая лишь с запозданием исправила ее, напечатав ответную статью т.т. Маегова и Потаповой.

Подводя итоги, мы должны отметить, как некоторый недостаток журнала, чрезмерно большую «локальность» помещаемых в нем экономических статей. Даже вопросы экономики Северного края, в который входит по районированию Коми область, не получили в «Кому-Му» никакого освещения.

О. К.

Буржуазные ученые о закате капитализма¹

Буржуазная экономическая наука развернутым фронтом подошла сейчас к обсуждению вопросов о судьбах капитализма. Теоретический уровень этого обсуждения, его тон, основные группировки и течения внутри экономико-теоретического штаба буржуазии и, наконец, общее значение этого показательнейшего «крена» буржуазной мысли в сторону таких обычно замалчиваемых проблем, как проблемы конца и гибели капитализма—все это лучшим образом можно проследить по материалам той дискуссии, которая вызвана недавними «еретическими» выступлениями крупнейших буржуазных ученых—Вернера Зомбарта и Э. Шмаленбаха.

Реферат Вернера Зомбарта «о структурных изменениях в капитализме» („Über die Wandlungen des Kapitalismus“), читанный в Союзе социальной политики в Цюрихе и вызвавший там страстную полемику. Затем нагнумевшая на Западе статья Э. Шмаленбаха «Скованный капитализм» (Der gefesselte Kapitalismus), также являющаяся изложением его доклада в Вене—обе эти работы, формально появившиеся в разное время и внешне касающиеся не одинакового круга вопросов, по существу объединены общим стремлением заглянуть в «завтрашний» день капитализма.

¹ По поводу сборника «Буржуазные ученые о закате капитализма» под ред. М. Ф. Нозльсона и М. И. Баха, с пред. Г. Я. Сокольникова. М. Л. ГИЗ, 1929 г., стр. 172, ц. 1 р.

В обсуждение вступил огромный комплекс вопросов: о структурных изменениях в строе позднего капитализма (Spätkapitalismus) и в связи с этим об общих законах капиталистического развития в их наиболее абстрактных формулировках, о ближайших перспективах капитализма и в связи с этим о возможности всеобщего революционного взрыва, о роли «антикапиталистической сферы» (т. е. СССР) и т. д.

Фронт буржуазных ученых неоднороден. Здесь и «оптимисты», усматривающие в современном состоянии «эпоху расцвета» высокоразвитого капитализма, где «лет старости и упадка» и где есть широкие возможности дальнейшего географического распространения капитализма (Эккерт); здесь и «пессимисты», «лицо которых устремлено в прошлое» и которые «не видят в процессе развития ничего из того, что считают желательным» (Зомбарт).

Однако, основное и решающее—это несомненное моральное и идеологическое превосходство «пессимистов». На стороне «пессимистов»—крупнейшие представители буржуазной науки, на стороне их наиболее четкие и полновесные аргументы и, наконец, за их спиной—факты капиталистического развития в последнее десятилетие. «Оптимисты» отброшены на защитные позиции и вынуждены обороняться. Мы имеем поэтому право остановиться почти исключительно на «пессимистах».

«Пессимисты» исходят из факта несомненного внутреннего перерождения капиталистического общества.

Поздний капитализм принес с собой ряд принципиальных изменений в структуре капитализма.

Шмаленбах усматривает эти изменения в «перемещении производственных расходов внутри предприятия». «Конкретно, говорит он, речь идет о том, что доля пропорциональных, переменных расходов в производстве уменьшается, а доля постоянных расходов увеличивается настолько, что решающим фактором производства становится именно доля постоянных расходов». Это явление, по мнению Шмаленбаха, влечет за собой «переворот во всей хозяйственной системе».

«С превращением большинства издержек в постоянные у хозяйственной системы отнимается возможность приспособления производства к потреблению». А это означает по Шмаленбаху «приближение конца старой эпохи свободного хозяйства и возникновение новой эры связанного хозяйства».

Шмаленбах не видит сил, которые могли бы удержать этот процесс растущей связанности хозяйства. В его представлении этот процесс автоматически приводит к всеобщему монополистически-организованному хозяйству (капиталистическому, конечно) под контролем государства. Такое автоматическое движение сопровождается, по мнению Шмаленбаха, необычайным усилением элементов окаменения, застойности, бюрократизма в народном хозяйстве, в противоположность живому и динамичному развитию свободного хозяйства. Возврат к свободному хозяйству невозможен. И это заставляет Шмаленбаха, который «любит систему свободного хозяйства и восторгается ей» перейти в лагерь «пессимистов», не ожидающих от будущего ничего радостного.

Еще более резко и отчетливую «пессимистическую» позицию занимает Вернер Зомбарт. Его соображения имеют особую силу высказывания человека, всю свою жизнь посвятившего изучению «развития современного капитализма» и являющегося бесспорным лидером буржуазной экономической мысли. Признания Зомбарта по истине замечательны. «Мы не можем верить в творческую силу капитализма» говорит Зомбарт, «мы знаем, что несмотря на наши громкие слова, из капитализма не возникло ничего, имеющего какое-либо культурное значение, да и в будущем ничего не возникнет». И в качестве общего итога Зомбарт в статье «Перспективы экономического развития Европы» пишет: «Господство капитализма приближается к концу; новая хозяйственная система прокладывает себе путь».

В своем реферате в Цюрихе Зомбарт попытался подробно обосновать это заключение. Он не ограничивается, подобно Шмаленбаху, изучением изменений в самой

структуре капиталистического общества, а пытается выяснить проблемы (и пределы) географического распространения капитализма, взаимоотношения капитализма с другими хозяйственными частями и пр. Но основное внимание он все же уделяет структурным изменениям позднего капитализма. Здесь он опять, в противоположность Шмаленбаху, преобладающее внимание уделяет изменениям в хозяйственном сознании, изменениям капиталистического духа и изменениям хозяйственного строя или порядка. Концентрация и картеллирование губит прежнюю интенсивность предпринимательской энергии. «Ослабевает отвага, исчезает дерзание старого истинного предпринимательства». Происходит «слепая рационализация» капиталистического духа. А «целиком рационализированный дух перестает быть духом капиталистическим».

Только зная исключительное значение, которое Зомбарт всегда придавал вопросам хозяйственного сознания (ср. его прежние книги—«Буржуа», «Развитие современного капитализма») — можно понять всю важность этого его явления.

Хозяйственный порядок все более носит характер связанности. «Предприниматель работает во все более связанной системе, в системе самоограничения, которую он создал путем бюрократизации предприятий, картеллирования и проч.». Темп капиталистического накопления замедляется. Капитализм «не может больше скрыть своей грузности и становится все более спокойным и умеренным».

Такие же безрадостные вещи видит Зомбарт и в других областях. Удельный вес Европы в мировом хозяйстве понижается, поднимаются остальные континенты, вступает сопротивление рабочего класса.

В общем, говорит Зомбарт, «я бы не хотел жить через 50—100 лет».

Эта поразительная перспектива, нарисованная Шмаленбахом и Зомбартом, наглядно толкает буржуазных ученых к конкретизации тех путей, по которым пойдет упадок капитализма. Чрезвычайно интересным и показательным в этом отношении является то, что в сознании буржуазных ученых возможность мировой революции стала восприниматься, как вполне вероятный вариант гибели капитализма.

Даже Эккерт, зайдший «оптимист», оппонент Зомбарта в Цюрихе, заговорил о возможности того, что «вся Европа и половина Азии станут ареной насильственного преобразования капиталистического хозяйственного строя», утешая себя, впрочем, тем, что даже в этом случае остается еще Америка, руководимая Соединенными Штатами, как мощный противник этого насильственного преобразования. Но и Европа плюс половина Азии—в устах Эккерта—это не так уж мало.

Даже Альфред Вебер, считающий вместе с Эккертом, что капиталистическая сфера находится в состоянии полного расцвета, поставил вопрос о громадном значении для

ближайших судеб капитализма того факта, что «четвертая или пятая часть суши» занята «антикапиталистической сферой» (т. е. СССР) и усмотрел один из роковых вопросов будущности капитализма в том влиянии, которое оказывает антикапиталистическая сфера на докапиталистическую (т. е. СССР на колониальные и отсталые народы).

Но наиболее систематическое (если только это слово подходит) изображение возможных «путей упадка» капитализма дает Шульце-Геверниц. Он видит три возможности: — либо окаменение хозяйства, в том смысле, как это характеризовал Шмаленбах; либо поднимающаяся мировая революция, при чем не европейская, а именно мировая, которая будет всерьез угрожать даже титанам англо-американского капитализма (что, по его мнению, приведет к всеобщему хаосу) и, наконец, третья возможность (на стороне которой все симпатии Шульце-Геверница)— это возможность религиозного переворота (?).

«Если нам удастся путем коренного духовного перевоплощения... путем религиозного движения или возрождения идеалистического движения возвыситься к новой духовности (случаи чего в истории бывали, напомню о пуританской волне, затившей англо-американский мир), тогда перед нашим духовным взором встает совершенно иная картина капиталистической будущности... тогда... капитализм преобразуется в высшую, т. е. более ценную экономическую и общественную ступень развития».

Можно ли критиковать по существу этот взрыв глубочайшего поражения, разочарования и мистицизма, который охватывает сейчас руководящую фракцию буржуазной экономической мысли?

Нам кажется, что в этом нет нужды. В концепции «пессимистов» так притуплены элементы правильного понимания отдельных жизненных изменений в строе загнивающего капитализма с элементами искаженных, глубоко индивидуальных и субъективных оценок этих изменений (при решительном преобладании последних над первыми), что попытка аналитически подойти к этому клубку переродившейся идеологии, отбирая отдельные правильные высказывания и очищая отдельные мысли от их полурелигиозной оболочки—представляет собой задачу подлинно неблагодарную.

Дело не в том, что для «пессимистов» осталась книгой за семью печатями мысль Маркса о несоответствии между растущим общественным содержанием хозяйства и его ограниченной капиталистической формой присвоения и тем более осталась непонятой мысль Ленина о гигантском обострении этого основного противоречия в эпоху мо-

нополии; и дело не в том, что, защищая капитализм, «оптимисты» попросту защищают всякое технически и организационно правильно построенное хозяйство вне зависимости от его специфически-капиталистической формы—все это отступает на задний план перед гораздо более важными обстоятельствами.

Корень вопроса заключается в том, что фронт буржуазной науки сейчас силой вещей повернут к самым жизненным вопросам капитализма, к вопросам о его ближайших судьбах, и что перед этими грозными и решающими вопросами буржуазная наука все более теряет реальную жизненную почву, все более наполняется элементами разочарования, пессимизма, религиозно-мистических исканий, все сильнее начинает лепетать о хаосе, окаменении, религиозно-идеалистическом переломе и т. д., т. е. все более перерождается в идеологию эпохи «разложения», в идеологию умирающего класса.

Разложение буржуазной науки происходит на фоне крепнущего и побеждающего марксизма. И это не могло не оказать своего влияния на самый процесс разложения буржуазной науки. Это разложение внешне проходит сейчас под флагом возврата к Марксу, под лозунгом «принятия Маркса». «Что же, собственно, мы сейчас переживаем, как не осуществление предсказаний великого социалиста Маркса?»—спрашивает Шмаленбах. «Если через 70—80 лет из того, что я сегодня говорю, исполнится такая часть предсказаний, какая исполнилась и признана правильной из предсказаний, сделанных Марксом 70—80 лет тому назад, я был бы действительно рад»,—говорит Зомбарт.

На первый взгляд эта стопроцентная капитуляция буржуазной науки перед марксизмом. Но это только на первый взгляд. На самом деле прав г. Сокольников, утверждая, что марксизм Зомбарта «есть частичный марксизм, выбрасывающий все революционное, что есть в учении Маркса». «Пессимизм» Зомбарта и Шмаленбаха есть по существу попытка отвести возможность «великой катастрофы» и изобразить закат капитализма в тонах постепенного, дряхлеющего угасания.

Следует еще раз подчеркнуть, что дискуссия в буржуазном экономико-теоретическом лагере дает только искаженное отображение тех действительных процессов, которые происходят в недрах умирающего капитализма, и поэтому совершенно напрасно отдельные наши видные теоретики предприняли не критический импорт материала в этой дискуссии для развития ряда современных вопросов мирового хозяйства и мировой политики.

В. Красовский.

Die Wirtschaftlichen Kräfte der Welt. Herausgegeben von der Dresdner Bank. — Berlin 1930, стр. 176.

Народно-хозяйственные силы мира. Издание Дрезденского банка. Цена не указана.

Изданная Дрезденским банком книга должна «разочаровать» буржуазный мир, на который она, главным образом, и рассчитана. И по рекламности заглавия, и по внешнему своему виду, она напоминает «деловую» макулатуру, которую в избытке обогащают книжный мир учреждения, подобные Дрезденскому банку. Но с важной точки зрения—банк дал ценную работу. В действительности Дрезденский банк выпустил работу, которая заслуживает серьезнейшего внимания. Это—сводка богатого статистического материала, характеризующего народно-хозяйственную силу разных стран и мира в целом и отчетливо, быть может против воли авторов, рисует преимущества СССР. Книга вся состоит из таблиц. Самые данные, включенные в таблицы, имеют разную ценность. Рядом с результатами непосредственного учета широко использованы оценки, экстраполяции и т. п. статистические суррогаты. Однако, от всего этого книга ничего не теряет в своем значении, ибо такой подход к делу дал возможность ее составителям широкими мазками нарисовать всестороннюю картину хозяйственных сил мира как в общих мировых итогах, так и в сравнительном их значении в отношении отдельных стран.

Для характеристики книги достаточно перечислить признаки, которыми она рисует мировое хозяйство. Как для отдельных государств, так и для мира в целом она дает данные о населении, зерновой продукции, потреблении искусственного удобрения, животноводстве, источниках двивательной энергии, производстве электроэнергии, производстве древесной массы и бумаги, судостроении и производстве автомобилей, об основных видах горнодобычи и их обработке, о разных отраслях текстильной промышленности и химической, внешней торговле, состоянии золотого обращения, о народном хозяйстве и народном доходе. По отдельным государствам и отдельным отраслям эти данные дополняются и детализируются. В характеристиках государств даются сведения по машиностроению и дополняются сведения по химической и текстильной промышленности. Из таблиц, характеризующих отдельные отрасли, обращают на себя внимание таблицы о водной энергии разных стран мира, о продукции электричества и газа, о продукции португальского цемента, красок, текстиля (в том числе по льняной промышленности), о машиностроении и электро-технической промышленности. Добавим, что книга дает не только обширный и разносторонний статистический материал, но этот материал, так умело размещен и обработан, что отпадает всякая необходимость в текстовом использовании

таблиц. Особенно хорошо обработан материал по внешней торговле.

Не останавливаясь на богатом материале, имеющемся в книге, приводим некоторые цифры, рисующие успехи, делаемые СССР по сравнению с другими государствами. Эти успехи книга рисует для 1928 г. (в отдельных случаях для 1927 г.) по сравнению с 1925 г. (иногда с 1924 г.). По добыче угля мировой итог дает увеличение на 4%, при самом высоком для капиталистических стран приросте в Польше (28%); в СССР получилось увеличение на 111%. Производство электроэнергии у нас увеличилось на 121%, при увеличении во всем мире на 25%, и Бельгии (как высшее увеличение для капиталистического мира) на 61%. Чугуна у нас добыто больше на 36%, во всем мире—на 7%, в Англии—на 16%, во Франции—на 9%, в Германии—на 5%, в САСШ—на 1%. То же приблизительно по стали. Исключительно интересны сравнительные наши успехи по химической промышленности. Для всего мира она дала в 1928 г. увеличение сравнительно с 1924 г. на 30%; по отдельным государствам капиталистического мира большее увеличение было в Германии—на 33%, в то же время в СССР продукция химической промышленности увеличилась на 127%, подняв свой удельный вес в мировой продукции с 2,4% до 4,2%. Вне конкуренции мы идем и по электротехнической промышленности, увеличив ее на 84%, в то время, как из капиталистических стран Финляндия стоит на первом месте с увеличением на 40%.

Дрезденский банк всего менее, разумеется, думал в своей книге рекламировать социалистическое строительство СССР. Но достаточно и того, что он не сделал попыток заглушить беспристрастный голос цифр. Как бы то ни было, по темпу развития нашего народного хозяйства, рисуемый книгой, является лучшей иллюстрацией реальности стоящей перед нами задачи, выражаемой формулой «в кратчайший срок догнать и перенять капиталистический мир». В то же время книга ярко определяет всю колоссальность стоящей перед нами задачей. По национальному доходу на душу населения позади нас идут только такие страны, как Польша, Болгария, Бразилия, Ост-Индия. По другим сторонам нашей хозяйственной жизни рисуется картина большой нашей отсталости. Но в перспективе делаемых нами успехов самая наша отсталость подчеркивает величие задач, разрешаемых нашим социалистическим строительством. С ничтожным наследством от прошлого мы повышаем свой удельный вес в мировом хозяйстве. Мы двигаемся с быстротой, обеспечивающей разрешение стоящих перед нами задач.

С. Зак.

НОВЫЕ КНИГИ

Г. М. Кржижановский, С. Г. Струмилин, Э. И. Квининг, Н. А. Ковалевский, М. И. Боголепов. Основные проблемы контрольных цифр народного хозяйства СССР на 1929/30 г. ГИЗ 1930, стр. 150. Цена 70 коп.

В основу настоящей брошюры положены выступление т. Кржижановского и доклады прочих авторов сборника на VI съезде плановых органов СССР. В виде дополнения к сборнику приложены 4 сводные таблицы, освещающие динамику народного хозяйства Союза по основным отраслям на 1929/30 г.

Проф. П. И. Ляченко. Социальная экономика сельского хозяйства. Т. I. ГИЗ 1930, стр. 400. Цена 3 р.

Настоящая работа посвящена изложению основных моментов системы и метода сельского хозяйства, как теоретической социальной экономики сельского хозяйства. Содержание книги автором ограничено изложением сущности процесса развития и социальных противоречий общественных отношений сельского хозяйства в условиях капитализма.

А. Рашин. Состав фабрично-заводского пролетариата СССР. Изд. ВЦСПС. М. 1930, стр. 170+XIX.

Приведенная работа подводит предварительные итоги переписи металлургов, горнорабочих и текстильщиков, произведенной в 1929 г. Книга открывается вступительной статьей т. Евреннова, под редакцией которого настоящая работа выпущена.

Материалы по истории аграрной революции в России. Под общей ред. Л. Крицмана. Т. П. Изд. Комкадемии. М. 1929, стр. 363, цена 7 р. 50 к.

Второй том Трудов Аграрного Института Комкадемии является продолжением ранее выпущенного I тома материалов по истории аграрной революции в России. Приведенные в этом томе таблицы включают статистические материалы по крестьянским хозяйствам по ряду уездов б.б. Смоленской, Полтавской, Тверской, Поковской, Пермской, Челябинской и Саратовской губерний.

Проф. П. Г. Любомиров. Очерки по истории русской промышленности в XVIII и начале XIX в. Прибой 1930, стр. 198, цена 1 р. 70 коп.

Цель настоящей работы—дать характеристику организационной структуры промышленных предприятий в России в XVIII—начале XIX в.в. с точки зрения организационно-производственной. Работа написана главным образом на основе архивных фондов и других неизданных материалов.

Ф. И. Михалевский. К методологии изучения нашего денежного обращения. Изд. Комкадемии. М. 1930, стр. 79+18 графиков.

Работа Ф. И. Михалевского представляет собой попытку разработки методологии изучения денежного обращения с точки зрения определения возможности применения отдельных методов, выработанных в пределах капиталистического хозяйства применительно к экономической структуре СССР.

С. Вишнев. Военная промышленность иностранных государств. ГИЗ. 1930, стр. 150, цена 1 р. 40 к.

Книга С. Вишнева представляет собой краткий очерк состояния и основных тенденций в развитии военной промышленности как крупнейших капиталистических стран, так и сопредельных в СССР мелких государств.

Новейшие изменения в экономике Соединенных Штатов Северной Америки. Том первый. ГИЗ 1930, стр. 547, цена 5 р.

Настоящее издание является первым томом отчета Комитета при Президентской Конференции по безработице по вопросу о новейших изменениях в экономике САСШ под председательством Гувера. Книга переведена с первого американского издания и начинается вступительной статьей Г. Сафарова—«Конец процветания».

Вторая часть этой книги отведена докладом особого кадра сотрудников национального бюро экономических исследований (Гейя, Вольмана, Декстер, Кимболла, Эдфорда и др.), посвященным отдельным проблемам экономики САСШ.

И. Витвер. Южная Америка. ГИЗ 1930, стр. 506, цена 4 р.

Настоящая работа является 10-м томом экономической библиотеки, издаваемой под общим названием «Всемирная экономическая география» (ред. Н. Н. Баранского и С. В. Бернштейн-Когана). Автор в этой работе дает краткое экономико-географическое описание Южной Америки и ее отдельных стран.

Гюи Дюваль. Французский империализм в колониях. ГИЗ—Моск. Рабочий. М. 1929, стр. 127, цена 1 р.

Гюи Дюваль в своей работе дает характеристику экономической базы современного французского империализма, обрисовывает роль колоний в системе последнего, методы хозяйничанья французов в этих колониях и состояние национально-освободительного движения в них.

Г. Зиновьев. Учение Маркса и Ленина о войне. ГИЗ 1930, стр. 354, цена 2 р. 20 к.

Работа т. Зиновьева, являющаяся продолжением известной его работы «Война и кризис социализма» ставит себе задачей в целостном виде отобразить учение и взгляды Маркса и Ленина на войну и тем самым облегчить читателю самостоятельное изучение этого вопроса по первоисточникам. Полутно автор останавливается на внешней политике современной социал-демократии.